

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

И. Д. Парфенов

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Курс лекций

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

Предисловие

По общему признанию профессиональных историков никогда еще историческая наука не владела таким разнообразием подходов, методов как в наши дни. Кроме традиционных, используются математические методы, моделирование, методы исторической информатики, компьютерные технологии.

Чтобы разобраться в этом, нужно изучить основы методологии, философские подходы, проблемы теоретической истории, глубокую связь истории с другими социальными и гуманитарными науками.

Вниманию читателей предлагается курс лекций по методологии истории, который читается автором на историческом факультете Саратовского университета уже много лет. Разумеется, представлен лишь краткий конспект, а не полный текст лекций. В данном пособии внимание сосредоточено на концепции курса и раскрытии основных понятий, категорий и методов исторической науки.

Принципиальная новизна данного курса лекций в том, что показан плюрализм методологии исторической науки, ее интернациональный характер. Дается характеристика методов, применяемых в науке не только в России, но и в странах Европы и США. Сейчас, когда преодолевается многолетняя изоляция отечественной науки от мировой, важно ознакомить студентов с «классическими» методологическими подходами позитивизма, марксизма, неокантианства, структурализма и постмодернизма. Нужно осознать место этих направлений в общем ходе исторической мысли, плю-

сы и минусы, их сильные и слабые стороны. Это позволит оценить, что действительно является новым и плодотворным, а что — перепевом старых подходов.

Одна из важнейших задач курса методологии — познакомить слушателей с неизвестным им пластом литературы, отечественной и зарубежной, по этим проблемам и, главное, показать важность ее изучения для конкретной работы историка. На современном этапе историк должен изучать сам путь достижения исторической истины, устранять препятствия на этом пути. Недостаточно прочитать книги, вышедшие по той или иной теме, нужно понять методы, использованные автором, оценить их эффективность. Без особой подготовки в области методологии, философии истории, знакомства с методами смежных наук этого добиться невозможно. Работа историка сегодня — это не беспечная прогулка по «тайнам» истории, а тяжелый кропотливый труд, требующий подготовки в области математики, лингвистики, психологии и других наук, знания иностранных языков, в том числе классических, причем отнюдь не на дилетантском уровне.

Конечно, предлагаемая работа могла иметь больший объем, но автор сознательно старался ограничиться самым существенным, отсылая читателя или слушателя к литературе для более полного представления об изучаемой проблеме. Историк должен много и постоянно читать, чтобы быть в «форме», необходимой исследователю. Чем шире кругозор, глубже эрудиция, тем больше надежды на успех.

В данном пособии невозможно охарактеризовать все подходы и конкретно-проблемные методы, используемые в исторической науке. Параллельно читаемый студентам курс историографии восполнит этот пробел.

Лекция первая. ПРЕДМЕТ, СОДЕРЖАНИЕ И ЗАДАЧИ КУРСА МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Методология исторической науки — теория научно-познавательной деятельности, направленная на разработку, анализ и критику методов научного исследования. Методология определяет характер постановки научных проблем, выбор адекватных путей и принципов их решения, разработку и критическую оценку методов исследования.

Метод представляет собой совокупность исследовательских приемов, операций и определенную последовательность действий, ведущих к цели. Сам метод имеет структуру: теорию, методику и технику исследования. Всякий метод теоретически обоснован, имеет объективную основу, хотя представляет собой единство объективного и субъективного. Огромна роль исследователя: от него зависит выбор метода, правильное применение и критическая оценка результатов.

Как правило, историк использует совокупность методов для решения научной проблемы. Есть четыре уровня методов исторического исследования: *философский* (каждое философское направление разрабатывает свой подход к истории); *общенаучный* (применяемый в естественных, и гуманитарных науках); *специально-исторический* (применяется только для истории) и *конкретно-проблемный* (по узкой теме исследования). Все эти уровни взаимосвязаны. Конкретно-проблемные и специально-исторические базируются на общенаучных и философских. В настоящее время историки используют междисциплинарный

подход — методы других наук (математики, социологии, психологии и т. д.).

Данный лекционный курс начинается с темы, посвященной предмету исторической науки. Затем раскрываются особенности исторической науки, содержание методологических категорий исторического познания: исторического источника, исторического факта, исторической закономерности, исторического времени. Особое внимание уделено принципам и методам исторической науки, междисциплинарному подходу. Затем показаны этапы исторического исследования, проблемы объяснения, исторического описания (нарратива), оценки проведенного исследования. Завершается курс темой «История и общество», где отражены влияние общества на развитие исторической науки и социальные функции последней. Все проблемы рассмотрены с учетом различных методологических подходов.

Методология развивается на стыке философской теории познания, социологии и историографии. Разумеется, вопросы познания занимают важное место в курсе, однако он не должен сводиться только к этим проблемам. Теория должна сверяться с практикой исторических исследований. Кстати, этого не делают философы и поэтому многие их заключения оспариваются, а иногда просто игнорируются историками-практиками. Данный курс имеет целью помочь сглаживанию этих противоречий. Историки должны осваивать философские подходы, а философы чаще сверяться с практикой исторических исследований. Только тогда этот союз будет плодотворным: повысится теоретический уровень работы историков, а философы меньше будут призывать бросить бесперспективное занятие историей, которая никогда не была и не будет наукой.

В данном курсе показано влияние на историков наиболее известных философских течений со второй половины XIX века до настоящего времени: позитивизма, марксизма, неокантианства, структурализма, постмодернизма. Разумеется, только в аспекте их влияния на развитие исторических исследований.

Методология исторической науки прошла ряд этапов. *«Классическая» методология* стремилась изучать объекты исторической реальности, восстанавливать факты прошлого, пытаясь элиминировать воздействие личности исследователя и искать объективную истину.

«Неклассическая» методология отказывается от прямого онтологизма прежних подходов, ориентируется на относительность исторического знания, считает историю «конструкцией ума историка». В структурализме история социокультурного поля потеснила историю людей, на первый план вышли структуры.

«Постнеклассическая» наука особое значение придает ценностным ориентациям познающего субъекта, изучению процессов интеллектуального творчества (форм языка, текста). Так, постмодернисты не отделяют субъект от объекта исследования, факты от вымысла, ставят под сомнение возможность достижения объективной истины. Особенность ситуации в том, что в современной исторической науке все эти три подхода сосуществуют, хотя соотношение «сил» меняется.

Историческая наука в ее современном виде сложилась в конце XIX — 30-е годы XX века. Первые работы по методологии появились на рубеже веков. Основные направления, сложившиеся к этому времени, заявили о себе специальными руководствами, в которых давались рекомендации, как применять исторический метод. Классический *позитивизм* был

представлен книгой Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (есть русский перевод 1899 года). Позитивисты хотели сделать историю «позитивным» знанием, наукой сходной с естественными науками и с порога отвергали философию как «бесполезные метафизические рассуждения». Они предложили конкретные методы анализа источников и подробно учили, как работать с историческими фактами. Против идеи «позитивной» истории сразу выступили немецкие историки и философы-неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт, которые видели задачу историка в изучении индивидуальных и неповторимых явлений, а не в открытии законов развития общества.

В это время развивалось и марксистское направление в Германии и других странах, выступившее с критикой обоих течений с позиций материалистического подхода.

В России историки также включились в методологическую дискуссию. В 1913 году Н. И. Кареев издал книгу «Историка. Теория исторического знания». Книга до сих пор сохранила свое значение. Автор находился под влиянием позитивизма. Неокантианскую позицию защищал А. Лаппо-Данилевский в двухтомном труде «Методология истории» (СПб., 1910. Вып. 1; 1913. Вып. 2). Отметим работы Р. Ю. Виппера по истории исторической мысли и теории исторического познания. Обращаем ваше внимание на интересную работу Б. Г. Сафронова «Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время» (М., 1976), одну из немногих изданных в нашей стране и посвященную анализу творческой лаборатории историка, его методологии.

Отметим, что русская историография рассматривала себя как часть европейской, на равных участвовала в методологических спорах того времени. Из марксистских выделим работу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического

взгляда на историю» (1895), одну из лучших о материалистическом понимании истории.

В межвоенный период продолжалось издание работ по методологии истории. Всего их издано более десятка, выделим взгляды представителя «критической философии истории» Р. Коллингвуда. Получилось так, что его основной труд «Идея истории» был издан после его смерти, в 1946 году и вначале не привлек особого внимания, но затем стал переиздаваться и получил статус «классического» труда. Причем для нас представляет интерес не только сама концепция историка и философа. Работа содержит лучший в литературе очерк истории исторической мысли, начиная с античности. Книга Р. Коллингвуда переведена на русский язык в 1980 году.

Еще одна работа заслуживает внимания — книга основателя знаменитой «Школы Анналов» М. Блока «Апология истории или ремесло историка» (русский перевод. М., 1973) Автор выступил против позитивизма и неокантианского подхода и обосновал новый. Он критиковал «событийную» историю и описательный характер истории и предложил структурно-аналитический подход, развившийся уже после Второй мировой войны. Наиболее солидной философской работой, опубликованной в эти годы в СССР, была книга В. Ф. Асмуса «К. Маркс и буржуазный историзм» (см. В. Ф. Асмус. Избранные труды. М., 1971. Т. I.).

После Второй мировой войны дискуссии о методологии истории возобновились: появились новые философские подходы, стал утверждаться междисциплинарный подход в гуманитарных и социальных науках. Вновь обострилась полемика по главному вопросу: история — наука (сциентисты) или вид искусства и литературы (антисциентисты). Причем активно участвовали в полемике и крупные историки. В 1962 году в Лондоне вышла книга Э. Карра «Что такое история». В ней

впервые после работы Р. Коллингвуда дан систематический анализ и теории познания и исторического процесса. Книга привлекла внимание не только в Великобритании, но и в других странах. Автор выступил против фетишизации источников и фактов позитивистской традицией. В каждый факт входит субъективный момент — интерпретация. Нельзя не учитывать личность историка, социальную обусловленность познания. Мы смотрим на прошлое через настоящее. Он назвал призыв Л. Ранке писать историю «так как все это происходило» ностальгическим романтизмом. В то же время он выступил против презентистов, утверждавших, что факты — ничто, интерпретация — все. Конечно, факты без историка — ничто, но и историк без фактов — ничто. Он считал, что нужно избегать крайностей — рассматривать историю только как компиляцию фактов или только как субъективный продукт ума историка. Вполне возможна объективная интерпретация, наряду с ошибочными. Он отстаивал идею причинности в истории, выступал сторонником идеи прогресса, которая подвергалась тогда усиленным нападкам.

У него появились и сторонники (Д. Плам, С. Полард), отстаивавшие веру в прогресс. Однако выступили и критики. Неокантианец И. Берлин прямо полемизировал с Э. Карром. Критик отрицал причинность в истории, обвинял Э. Карра в том, что тот якобы выступает за безличную историю, превращает человека в марионетку. Это было неправдой, но помогало обосновывать идею ненаучности истории. В 1960 году И. Берлин основал журнал «История и теория», где отстаивал идею близости истории к искусству. Задача историка — создать уникальный портрет ситуации и не нужно теорий, понятийного аппарата. Научная история — химера. Как видим, мало оригинального было в суждениях И. Берлина.

Еще одна проблема, которая обсуждалась в эти годы — междисциплинарный подход. Сторонником обновления науки выступил Дж. Барраклоу, профессор Лондонского университета, он категорически выступил против попыток неокантианцев отрицать научность истории. Он считал недостатком слабое использование историками методов других социальных и гуманитарных наук. Это обедняло исторические работы и снижало их теоретический уровень: нельзя сводить все к фактам, теория является основой любого научного метода.

В 1978 году вышла его книга «Новые тенденции в истории», где он высказался за расширение предмета истории, отказ от примата политической истории. Историки должны перейти от индивидуализирующей истории к генерализирующей, от изучения событий к изучению структур, от описания к анализу. Преимущественное внимание должна привлекать социальная история, причем история должна освободиться от национальной мифологии.

Однако были сильны и традиционалисты. В 1967 году вышла работа известного медиевиста Д. Элтона «Практика истории», направленная против междисциплинарного подхода, использования социологических категорий, математических методов. Он — за «автономию» исторического подхода, который понимал как знание источников и их критику. Д. Элтон считает возможным элиминировать современность и изучать прошлое ради самого прошлого. История не может и не должна открывать законов. В 1970 году он выпустил книгу «Политическая история», пытаясь восстановить ее в правах. Категорически высказался против моделирования, эмпиризм возведен им в абсолют: историк не должен выяснять сущность явлений, устанавливая причины.

Как видим, в 60–70 годы картина в области методологии была довольно пестрой. Сосуществовали все основные подхо-

ды: позитивистский, неокантианский, структуралистский и марксистский. Это было характерно не только для Великобритании, но и других стран.

Во Франции появилась «Новая» историческая наука, во многом вдохновленная «Школой Анналов». О самой школе у нас написаны работы А. Гуревича, Л. Репиной и др. Но несколько слов надо сказать о самом выдающемся французском историке, внесшем огромный вклад в методологию науки — Ф. Броделе. Он выдвинул массу плодотворных идей региональной и глобальной истории, междисциплинарного подхода, структурной истории, разных «скоростей» исторического времени и много других. Но, главное, он все воплотил в своих конкретно-исторических трудах, которые переведены в том числе и на русский язык. Это был человек феноменального таланта и трудоспособности, поистине огромной эрудиции и разносторонних познаний в смежных науках, это крупнейший современный историк.

В 70-е годы заговорили о лингвистическом «повороте», семиотическом «вызове». Появилось постструктуралистское течение, поставившее в центр внимания историка текст: текст источника и текст нарратива. Сторонники этой концепции отрицают существование объективной исторической реальности как объекта исследования. Есть текст, который конструируется языковой и дискурсивной практикой. Субъект сливается с объектом, факт с вымыслом. Историкам предлагается отказаться от собственной теории познания и заняться литературным трудом. В 1973 году вышла книга американского исследователя Х. Вайта «Метаистория», которая была признана «классической» постмодернистами.

Первая глава книги называлась «Поэтика истории», где главными приемами изложения объявлялись риторика, метафора и т. д. В свое время мы подробнее коснемся анализа этой

книги. В 1997 году вышла книга американского историка А. Мэнслоу «Деконструкция истории», посвященная критике традиционной историографии. К сожалению, в ней нет анализа достижений постмодернистской историографии, что, может быть, оказало бы большее влияние на читателя, чем огульная критика многовекового опыта историков.

На книгу Х. Вайта откликнулся Д. Элтон, который назвал принятие такого подхода «фатальным» для истории. В то же время некоторые подходы (конкретные) постмодернистов (они, кстати, не едины, есть разные оттенки в позиции) использованы историками, которые обратили внимание на анализ текстов источников, нарратива, учитывая достижения лингвистики и литературной критики. Особенно заметны сдвиги в изучении интеллектуальной и «новой» культурной истории.

Этот далеко не полный обзор работ по методологии, изданных в Европе и США говорит о большом разнообразии подходов, ни один из которых не претендует на монополию как «единственно верный» и имеет своих сторонников и критиков. Этот плюрализм и движет историческую науку вперед.

Долгие годы изоляции отечественной науки от достижений европейской исторической мысли сказались отрицательно на профессиональном уровне наших историков. До начала 60-х официально считалось, что отдельной методологии истории нет, что историки должны пользоваться «историческим материализмом» как единой методологией всех общественных наук. Затем было «разрешено» философам и историкам заниматься вопросами исторического познания, но в узких рамках теории «отражения», упрощавшей процесс познания, при неприменной огульной критике «буржуазной» методологии. Но даже в этих условиях создавались работы, учитывавшие достижения западной историографии. В 1976 году вышла книга

Н. А. Ерофеева «Что такое история», сокращенная, правда, при редактировании почти вдвое. В 1984 году появилась работа крупного медиевиста М. А. Барга «Категории и методы исторической науки» о структурном методе в истории. Академик И. Ковальченко стал пионером применения математических методов в истории. Он написал лучшую работу в отечественной историографии о методах исторического исследования (1987 г.), которая нами широко использована.

В 90-е годы XX века отечественные историки и философы обрели свободу творчества, сразу возрос интерес к опыту западных коллег, стали осваиваться новые методы исследования. Часть историков сохранила верность марксистскому подходу, до сих пор имеющему последователей и на Западе. Другие стали широко применять положительно зарекомендовавшие себя методы, распространенные в Европе и США. Причем использовались эти методы критически, с учетом особенностей отечественной историографии. Специалисты по всеобщей истории, и ранее знакомые с состоянием европейской науки, вступили в дискуссию «на равных». Сложнее с историками, занимающимися историей России: часть по-прежнему пользуется теорией формаций, другие — теорией модернизации «догоняющего» развития. В последнее время используется «цивилизационный подход» в двух вариантах: с учетом влияния Запада и «почвеннический», настаивающий на самобытности российского пути.

Статьи по методологии печатаются в журнале «Общественные науки и современность», сборниках «Одиссей», «Казус», «The-sis», «Диалог со временем». Исторический факультет МГУ издает сборник по теоретическим проблемам истории.

Принципиальное значение имеет выход книги Л. П. Репиной «Новая историческая наука и социальная история», в которой впервые комплексно рассмотрены все новые направле-

ния в методологии. Причем показан механизм применения новых методов, результаты использования их в конкретно-исторических исследованиях.

Думается, ушли в прошлое рассуждения о «ненужности» методологии. Сторонники такой точки зрения обычно говорят: можно изучить методологию и не суметь написать хорошую работу. Это верно: степень эрудированности, да и способности у историков разные. Но написать серьезную работу «вслепую», не зная направлений мировой историографии, вообще невозможно. Простая компиляция не имеет ничего общего с наукой.

Сейчас наступил такой этап в развитии исторической науки, когда историк должен сам размышлять о путях достижения научных результатов, о границах применения тех или иных методов исследования.

Лекция вторая. ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Под «объектом познания» понимается объективная реальность. *Объект познания исторической науки — вся совокупность событий, явлений и процессов, происходивших в обществе на протяжении всей истории человечества.*

Если различные общественные и гуманитарные науки имеют свои объекты познания и свои методы и направлены на изучение отдельных аспектов современного общества, то историческая наука изучает *прошлое, носит комплексный характер, синтезирует, интегрирует достижения этих наук.* В свою очередь, последние опираются на результаты исторических исследований. Эти контакты являются характерной чертой современной науки, широко использующей *междисциплинарный подход*, дающий положительные результаты.

Безграничность свойств и взаимосвязей явлений и процессов в обществе делает невозможным познание объекта во всей полноте и глубине. Поэтому исследователь выделяет еще *предмет исследования*, определяет диапазон и характер исследовательских задач, изучает часть, отдельные аспекты реальности. По мере углубления изучения расширяется предмет исследования.

М. Вебер считал, что объективно предмета истории нет. Он создается «способностью и волею» самого историка. Историк познает то, что выхватывает из необъятного объекта, фрагмент, который сам наделяет смыслом. Неокантианцы считали предметом изучения — индивидуальное и неповторимое, воссоздаваемое на основе личных оценок и предпоч-

тений историка, в отличие от наук естественных, которые открывали законы, независимые от исследователя.

Однако часть историков и, прежде всего марксисты, считали, что история должна в частном, индивидуальном видеть общее — законы развития. Если история хочет быть наукой, она должна показать закономерности (как и всякая наука). До сих пор не потеряло значения определение К. Маркса, что история «*есть деятельность преследующего свои цели человека*».

Исторические исследования долгое время ограничивались *политической историей*. В центре внимания были деяния королей, народные массы не интересовали историков. Как писал Ф. Вольтер: «Я вижу почти повсюду только историю королей; я хочу написать историю людей». Д. Юм считал предметом истории возникновение, расцвет и гибель великих империй. Э. Гиббон — историю войн и управления общественными делами, Л. Ранке — историю дипломатических отношений. Г. Галлам писал конституционную историю Англии. Конечно, это было разнообразие в рамках политической истории.

В XIX веке развился интерес к *экономической истории*. Появление статистики дало толчок этим исследованиям. Привлекает внимание и история культуры. И. Винкельман написал историю искусства древности, а Я. Бургхарт считал, что культура станет главной темой истории. По мнению Н. А. Ерофеева, позднее всего историки включили в предмет изучения область *социальной истории*. И здесь важную роль сыграл марксизм, привлечший внимание к жизни трудящихся масс, в частности рабочего класса.

После Второй мировой войны, не без влияния «Школы Анналов», сложилась «*новая историческая наука*», *антропологический* подход. В центре внимания оказался человек в его социальном и культурном измерении, его среда обитания. Появилась историческая антропология, историческая

психология, историческая социология, демография, урбанистика. Привлекли внимание история «снизу», история женщин, локальная история. Развилась мощная отрасль «устной истории», базировавшаяся на воспоминаниях не только выдающихся деятелей, но и рядовых участников исторических событий.

Историки даже заговорили о «растворении» предмета истории, излишней дробности самой науки. Но шли и интеграционные процессы. Известный английский историк Э. Хобсбоум предложил создать целостную историю общества на базе социальной истории, уделив внимание социальной психологии: системе мышления, стереотипам поведения, образу жизни людей. Ф. Бродель выдвинул идею глобальной истории (историка интересует все, относящееся к жизни человека и общества). Отечественный историк М. Барг считал, что не нужно засорять историю «второстепенными» фактами, недостойными быть включенными в «универсальную историю». И был не прав.

В отечественной историографии советского периода предмет науки определялся И. Ковальченко, Б. Могильницким и некоторыми другими историками как изучение деятельности человека как закономерного процесса во всем разнообразии пространственной и временной конкретности. Б. Г. Могильницкий ввел понятие «конкретной исторической закономерности». Не совсем ясно, что имелось в виду, так как выявить закономерность можно, только абстрагируясь от конкретной действительности. Наиболее удачно определил предмет истории Н. А. Ерофеев: история изучает человека и общество в их развитии, изменении, в различных срезях общества, какие этапы в этом развитии прошли общество и общественный человек, какие сдвиги произошли и как они изменились сами. Такое определение близко новейшим тенденциям в развитии

социальной истории. Внимание историка сосредоточено не только на исторических личностях, неповторимых событиях, но также на социальных структурах и тенденциях, имеющих определенный механизм взаимодействия. Итак, единого общепринятого определения предмета исторической науки нет. Сам предмет историчен, меняется, различные направления выдвигают свое понимание предмета. Все время идет обособление новых научных дисциплин. Если бы раз и навсегда, жестко определили предмет науки — исследования прекратились бы. Но сказанное не означает, что вопрос о предмете науки не важен: определив предмет, мы во многом предопределяем результаты.

Одни историки стремятся свести все к описанию фактов, игнорируя теорию, другие наоборот игнорируют событийную историю, впадают в чрезмерную социологизацию или психологизацию истории, когда схема вытеснит материал. Очевидно, нет истории без описания, но нет истории без теории и методологии. У историков нет единой аксиоматической теории, есть плюрализм теорий и интерпретаций. В этом ее специфика.

Отраслевая структура исторической науки

Военная история — одна из старейших отраслей науки. Уже «отец истории» Геродот и другие историки древности писали о войнах. С XVIII века военная история развивается как история сражений. С конца XIX — начала XX вв., в связи с изменением характера войн, в предмет стали включать изучение не только сугубо военных вопросов, но и самого общества. После Второй мировой войны в предмет включена социально-экономическая история самой страны, ведущей военные действия. Предмет военной истории по-

нимается сейчас широко — как «война и общество». Однако, привлекаются военные специалисты для изучения хода боевых действий.

Политическая история также давно существующая отрасль исторической науки и тоже значительно изменила предмет изучения, усовершенствовала методы исследования, включила историю гражданского общества, политических событий, функционирования политической системы, исполнительной власти. Известный английский историк Д. Элтон считает, что политическая история изучает человека, действующего в обществе. Причем надо понять эти действия, а не только описать. Конечно, сейчас недостаточно писать историю королей и министров. Д. Элтон считает, что политическая история должна иметь дело с людьми, а не со статистикой, избегать абстракций и не сливаться с социальной историей. Однако этот подход не разделяют многие историки, считающие полезными контакт с социологией, надо брать все ценное из социальной истории.

Все больше внимание политических историков концентрируется на изучении механизма власти, от которой во многом зависит судьба людей. Расширяется предмет исследований: движение населения, локальные проблемы и даже поп-культура оказались в сфере внимания политических историков. Большую роль в воскрешении интереса к этой отрасли науки сыграл Э. Хобсбоум, рассматривавший не только сферу «высокой политики», но историю различных групп, конфликты, преемственность и дискретность политики. Надо изучать все: экономику, социальную психологию: Политики приспосабливаются к конкретной ситуации, хотя преувеличивать рациональность их действий не следует.

Экономическая история активно развивается с появлением статистики. Сегодня используются математические модели. Историк не может обойтись без знания, что такое монета-

ризм, лассеферизм, теория Д. Кейнса и др. Историк не ограничивается чисто экономическим анализом: данные о доходе на душу населения не дают картины положения людей: эти цифры скрывают неравенство в доходах, да дело не только в деньгах но и в среде обитания, поведении людей, нужно привлечь данные демографии, социологии к изучению экономики.

Социальная история. Уже в XIX веке интерес историков начинает привлекать история «простых» людей, народа. Марксизм ориентировал на изучение рабочего класса. В XX веке «Школа Анналов» начала изучать социальные структуры и процессы. В 60-е годы известная книга английского историка Э. Томсона о возникновении рабочего класса показала возможности междисциплинарного подхода. Стала изучаться история семьи, женщин. Усилилось внимание к истории повседневной, частной жизни, истории проведения досуга, свободного времени.

В отечественной историографии долгие годы уделяли внимание только истории классовой борьбы, оставляя в стороне другие противоречия в обществе. Кроме того, схематизм мешал созданию всесторонней картины жизни народных масс. Лишь недавно появилась работа Б. Н. Миронова по социальной истории императорской России, первая масштабная попытка применить новые подходы.

Религиозная история. Давно и успешно разрабатывается на Западе и очень слабо у нас. Между тем, недооценка этого аспекта жизни приводит к искажению общей картины. Есть две крайности в изучении этих проблем — уйти в теологию или полностью игнорировать религиозные идеи. На Западе убеждены, что верующий историк лучше понимает смысл религии. Сегодня религиозная история обязательный эле-

мент интеллектуальной и социальной истории. Историк не может игнорировать этот аспект, изучая и прежние эпохи.

История науки. Историк рассматривает науку не как перечень открытий, а как продукт человеческой деятельности, не отъемлемую часть жизни общества и культуры. Наука — социальна и идеологична. Не следует забывать историкам ненаучных форм мышления (спиритизм, астрологию, алхимию). Все больше изучаются связи науки и общества.

История женщин и гендерные исследования. О женщинах в истории стали писать со времени зарождения феминизма. Но в конце 60-х годов — начале 70-х годов XX века появились «женские исследования», а в 80-е родились «гендерные исследования» и был переосмыслен предмет и концептуальный аппарат истории женщин. Уже на первом этапе сложилось братство женщин-историков с известной долей агрессивности и болезненной реакцией на критику. По их убеждению, мужская историография «вычеркнула» женщин из истории, нужно восполнить этот пробел, показать отношения господства и подчинения между полами. В 80-е годы ключевой категорией становится гендер — «пол-род-социокультурный» (в противоположность «полу-сексу»), подчеркивая социальный характер неравенства между полами, которое было продуктом культурно-исторического развития. Семья и брак, домашнее хозяйство и рынок, право и политика, религия и образование, культура — темы исследований.

История искусства. Если искусствоведов интересовали лишь дата написания картины, авторство и стиль, то историки интересуют условия создания, композиция, контекст, интеллектуальная и социальная история. Разумеется, историк должен знать эстетические взгляды того периода, который изучает, и сам иметь определенные взгляды. Изучение искус-

ства помогает глубже понять культуру в целом. И здесь историк занимает свою нишу, отличную от искусствоведа.

Интеллектуальная история. Вначале развивалась как история идей крупных мыслителей. Потом возникли сомнения, надо ли это изучать, так как многие идеи не материализовались и не оказали влияния. В связи с развитием постмодернистских подходов интеллектуальная история обновилась. Она предельно расширила предмет исследования: изучает религиозные, научные взгляды, представления о болезнях, музыку и т. д.

Сохранился интерес и к крупным мыслителям, к их текстам — надо знать обстановку, словарь того периода. Расширился круг интеллектуалов, представителей различных культурных страт. В нашей стране создан Центр интеллектуальной истории в Институте всеобщей истории РАН, который издает альманах «Диалог со временем», дающий представление о развитии этого направления у нас и за рубежом.

История культуры. Это традиционная отрасль исследования. Философы, культурологи постоянно предлагают новые трактовки этого понятия. Можно насчитать более десятка определений культуры, и историки практически использовали все новые идеи. В настоящее время возникла Новая культурная история, которая исходит из признания главной роли языка, текста и нарративных структур (семиотический подход). Она отвергает противопоставление народной и элитарной культур. Занятия культурной историей сегодня требуют серьезной подготовки в области философии культуры и культурологии. Новые подходы дают новые результаты. Многие историки считают, что именно история культуры может стать основой исторического синтеза, о котором мечтают многие поколения историков.

Дипломатическая история. Вначале изучали только историю переговоров отдельных лиц: короля, дипломатов. Затем пришли к пониманию необходимости учета экономической и социальной обстановки. Возникла история международных отношений — более широкий предмет изучения системы государств. В последнее время интерес сместился к изучению проблем «идентичности» того или иного народа, созданию его образа («имиджа»). Изучается культурологический акцент для понимания ценностей, ментальности народов, их представления друг о друге. Укрепляется идея сотрудничества историков разных стран во имя усиления взаимопонимания между народами.

Разумеется, мы не перечислили всех тематических направлений исследования. Кроме того, можно выделить по хронологии историю древнего мира, историю средних веков, нового и новейшего времени. Можно изучать историю отдельной страны, региона, локальную историю. Наряду с глобальным подходом, всемирной историей, можно заниматься изучением микроистории (отдельных людей, деревень, общин и т. д.).

Национальная история и интернациональные связи историков. Историческая наука, как и любая наука, носит интернациональный характер. Конечно, историки в каждой стране изучают в качестве предмета, прежде всего, свою национальную историю. Традиции и культура определяют тематику и подход к исследованию. Однако с момента складывания научных подходов к истории в конце XIX века усиливается взаимное влияние исторических школ разных стран. Позитивизм и марксизм оказали влияние на развитие исторической науки во всех странах так же как структурализм и постмодернизм после второй мировой войны. Все эти подходы сосуществуют в исторической

науке и распространены во всех странах. Правда, есть особенности, которые изучаются в курсе историографии. Психоанализ, математические методы, семиотика применяются повсюду, но в разной степени. Историки внимательно следят за успехами своих коллег в других странах. При появлении интересных работ они сразу переводятся на другие языки и становятся достоянием всех историков. Представить, что какой-то отряд историков изолирует себя от мировой науки — в наш век информатизации, Интернета и развития процессов «глобализации», невозможно. Такая «изолированная» наука, не участвуя в «диалоге культур», не сможет выполнить свои социальные функции.

Историки на протяжении многих лет собираются на *международные конгрессы*. Последний, XIX состоялся в августе 2000 года в столице Норвегии г. Осло. На конгресс собрались несколько тысяч историков: они представили широкую панораму различных тенденций, методологических подходов, развития новых исторических дисциплин. Конгресс — самое удобное место для творческих контактов. На этом конгрессе обсуждались три большие темы, 20 специальных, состоялось 25 «круглых столов». В дни конгресса заседали 22 международные организации историков и 18 международных комитетов по различным отраслям науки.

Первая *«большая»* тема конгресса: «Перспективы глобальной истории, концепции, методология; возможна ли Всемирная история; культурное взаимодействие между континентами в течение столетий».

Вторая *«большая»* тема: «тысячелетие, время и история; конструкция и деление времени: периодизация и хронология, Эсхатология». Третья тема: «Роль истории и ответственность историка».

Обсуждались *специальные* темы: Мультимедиа, Интернет и работа историка. Память и коллективная идентичность (как

общества создают и управляют своим прошлым). Оценка историографии XX столетия, профессионализация, методология, сочинения по истории. Научные открытия: передача и восприятие научных знаний. Теория и практика юриспруденции: закон, нормы и их нарушение. Мусульманские общества в течение столетий. Религия и пол. Христианские миссии, модернизация, колонизация и деколонизация. Поколения и конфликты поколений. Рабство и другие принудительные формы труда. Семья и общество: сравнение Европы и Азии. Регионы и регионализм. Социальная практика письма и чтения (от античности до наших дней). Мужское начало на практике и образ. Тоталитаризм и диктатура. Работа и безработица в исторической перспективе. Культура меньшинств, ее отношение к господствующей культуре большинства. Изменяющийся подход к Тихоокеанскому региону. Модернизация и традиции в Латинской Америке. Новые подвижки в изучении среды обитания. Виды информации и коммуникации в XVI — XX веках. Насилие и смерть: сравнение XIV—XV и XX столетий.

Назовем темы *«круглых столов»*. Обучение истории: новая техника, учебники, место истории в учебных планах. Историки-ориенталисты и написание арабской истории. Путешествия и изучение Северной Атлантики от средних веков к XVIII веку. Взаимодействие и конфронтация между законодательной и юридической системами в Европе. Телевизионные новости как исторический источник. Концепции гуманности на протяжении столетий. Дети и война. Семья, брак и права собственности. Нобилитет: сравнительный анализ. Подпольная экономика. Рыболовство: продовольствие и коммерция. Преступление и криминальность: новые исторические перспективы. Локальная история. Пол, раса, ксенофобия и национализм. Афины и Рим в культуре и строительстве Ев-

ропы. Зона Балтики в истории. Китай и мир в XVIII столетии. История болезней. История суицида. Открытие архивов и история коммунизма. Пропаганда и имидж власти. Переоценка «холодной войны». Туризм и история. Представление о мире и практика мира. Центральная Европа — единство и разнообразие. Личность и представление о частной жизни.

Конгресс убедительно продемонстрировал предельно широкое понимание предмета истории, охвачены все регионы, все традиционные и новые подходы, разнообразна тематика исследований.

Конечно, историки занимают различные позиции. Остается проблема понимания «чужой» культуры. Занимаясь историей другой страны, историк должен понять культурные особенности, расшифровать культурные «ходы». Известны случаи, когда историки «со стороны» внесли вклад в изучение событий «другой» национальной истории. Вспомним, хотя бы, работы англичанина Т. Карлейля и немца Г. Зибеля по истории французской революции или работы Е. Тарле по истории Франции.

Бесспорно, предмет истории расширился, охватывая все новые аспекты объекта — прошлого человечества. Некоторые историки выражают тревогу чрезмерной, по их мнению, раздробленности предмета: невозможен синтез и связанная нарративная история. Специализация историков так велика, что кажется, что история потеряла свой предмет и растворилась в смежных науках. Конечно, это не так. Скорее, рассмотрение любой проблемы приобретает комплексный характер, и все указанные отраслевые подходы взаимно переплетены. Историки ищут новые подходы к синтезу

истории. Но новая парадигма не появляется по заказу, для этого должны создаться предпосылки.

Историки изучают свой предмет во времени и пространстве неравномерно, под разными углами зрения. Дробность, неравномерность, мозаичность изучения разных периодов, разных географических ареалов, «белые пятна» - таково полотно исторического времени. Но историческое знание позволяет увидеть многообразие мира, событий и структур, повседневную жизнь, героев и маленького человека, микроисторию и глобальные проблемы.

«Предмет истории — сумма всех историй, новых подходов и точек зрения: прошлых, настоящих и будущих» (Ф. Бродель)

Лекция третья. ИСТОРИЯ – НАУКА ИЛИ ИСКУССТВО? ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

До сих пор не утихают споры между историками и философами – является история наукой или это просто разновидность литературного труда. На последнем настаивают особенно постмодернисты. Историки, как правило, делают свое дело – пишут исторические труды, иногда включаясь в полемику «сциентистов» (сторонников взгляда, что история – наука) и «антисциентистов» (доказывавших «ненаучность» истории). Между крайними позициями есть и промежуточные – признается, что история – наука, но имеет свою специфику, отличия от естественных, точных наук.

Позитивисты исходили из того, что принципиальной разницы в методах естественных и гуманитарных наук нет. Правда, они отдавали приоритет социологии, как открывающей законы функционирования общества, но история так же была способна давать «позитивное» знание.

Как уже отмечалось, неокантианцы выступили против позитивистов и главной задачей истории считали не открытие законов, а изучение отдельных, индивидуальных, неповторимых явлений, из которых складывается история. Марксисты отстаивали идею познания законов в обществе, выступая против вульгарного социологизирования.

В настоящее время опять обсуждается проблема правомерности применения методов естественных наук в историческом исследовании (математические методы, теория хаоса и т. д.). Процесс информатизации, развертывающийся в настоящее время, сближает различные ветви науки. Кроме того, изме-

нились сами представления, что сегодня может считаться наукой. Представления XVII века заметно скорректированы. Перед естественными науками не меньше проблем, чем перед гуманитарными, в частности, проблема достижения объективной истины.

Можно и нужно подходить к истории как к науке. Но при этом, как у каждой науки, у нее есть своя специфика. Главная особенность заключена в *самом объекте исследования — он в прошлом*. Нужно воспроизвести *удаленный во времени объект*. Исследователь лишен возможности его наблюдать, экспериментировать. Правда, и физик не всегда может наблюдать многие процессы, в то время историку доступен мыслительный эксперимент, построение моделей. У историка есть арсенал источников и методы, исследовательские приемы. Вторая особенность исторического познания — исследователь находится в настоящем времени, изучая прошлое. Настоящее, во многом, детерминирует интерпретацию прошлого. Однако нельзя согласиться с мнением, что оно формирует прошлое, правильнее сказать, наши *представления* о прошлом. Влияют факторы — культура, идеология, система ценностей данного общества и также экономическая, социальная, политическая ситуации. Историческая наука — часть культуры и отражает ее уровень и особенности. Историк действует в поле этой культуры, вступает в диалог с культурой изучаемой эпохи, оставаясь в настоящем времени. Современность определяет горизонт исследований, уровень знаний, развитие других гуманитарных наук.

Влияние современности на историка велико. Тоталитарные режимы никогда не «церемонились» с исторической наукой, требуя подчинения идеологическим постулатам. Но и в демократических обществах влияние современной конъюнктуры велико. Финансируется тематика исследований, подсказанная

проблемами настоящего. Некоторые историки даже считали, что изучать в прошлом нужно только то, что повлияло на настоящее, однако историю нужно изучать всю, чтобы понять настоящее.

«Презентисты» утверждают, что история все время переписывается с позиций настоящего и никакого объективного представления о прошлом не дает. Прошлое и настоящее совпадают. События прошлого актуализируются, когда это нужно определенным группам людей или государству. Если ведется война — интерес к истории войн, полководцев, проводятся реформы — интерес к этим сюжетам, интерес к истории женщин возник под влиянием интереса к идеям эмансипации, равноправия женщин. Презентизм ведет к модернизации истории. Э. Хобсбоум считает, что, конечно, мы судим о прошлом с позиций настоящего, но если этим ограничиться, мы не поймем ни прошлого, ни настоящего. Это совершенно правильная позиция.

Историческое познание носит *ретроспективный характер*. Идем от настоящего к прошлому, от следствия к причине. Это позволяет рассматривать явления и процессы в перспективе, учитывая предшествующее и последующее состояния. Правда, при этом не исключена архаизация или модернизация прошлой эпохи. Кроме того, историку с позиций современности бывает трудно понять предшествующую эпоху, поскольку и современники той эпохи имели зачастую мифические представления о своем времени.

В отличие от природы, в обществе действуют люди, одаренные сознанием, ставящие и добивающиеся поставленных целей. Кроме того, если в естественных науках субъект и объект противостоят друг другу, в истории взаимоотношения их сложнее. Субъект — исследователь сам является участником исторического процесса, а не наблюдает со стороны. Идет

процесс самопознания человека. Поскольку ученый имеет дело с историей людей, деятельность которых обладает ценностью, то и *познание носит оценочный характер*. Историк определяет значимость исторических событий и процессов, дает оценку деятельности людей. В этом специфика истории. Обычно все, кто размышляет об исторической науке, отмечает субъективность полученных результатов, считая это главным препятствием к достижению истины. Действительно, историческое познание, по определению И. Ковальченко, *дважды субъективно*: историк оперирует с субъективными источниками и вносит сам большой элемент субъективности в интерпретацию фактов и событий.

Всегда в литературе субъективность историка считается чуть ли не главной причиной невозможности достижения объективной истины. Но разве крупный, талантливый исследователь, гений не в состоянии сделать прорыв в науке, подобно ученым-естественникам? Конечно, может. Здесь субъективные качества, наоборот, помогают проникнуть сквозь века. Специфика здесь в том, что великие историки, начиная с Геродота, читаются и сегодня, они не забыты и их труды служат и сегодняшней науке, которая, несомненно, продвинулась вперед.

Остановимся на *плюрализме* — признании правомерности различных суждений, концепций по одной и той же исторической проблеме. Эта неоднозначность суждений объясняется сложностью объекта исследования — исторической реальности во всех ее проявлениях. Реальность понимается как некоторая данность, реконструируемая с помощью источников. Сама реальность плюралистична. Изучаются ее разные проявления, разные взаимосвязи. Плюрализм концепций связан и с различием в мировоззрении историков, с их методологической вооруженностью. Нет единой аксиоматической теории, которую принимало бы большинство историков, нет договоренно-

сти между историками о содержании хотя бы важнейших исторических понятий и категорий. Отсюда полисеманτικότητα понятий. Все это объясняет множественность интерпретаций одних и тех же проблем. Однако это не мешает, а наоборот, углубляет познание истории. Все интерпретации сосуществуют и создают более сложную картину действительности, прошлых событий. В этом и заключен стимул к дальнейшему исследованию, чтобы опровергнуть, уточнить старые и предложить новые концепции. Это иллюстрирует бесконечность процесса познания. В столкновении мнений рождается более достоверное знание.

Конечно, историк не должен быть самонадеян, должен видеть и преодолевать трудности процесса познания. Однако на историю возложена функция *комплексной науки*, призванной интегрировать достижения всех общественных и гуманитарных наук применительно к истории. Это очень сложная и не для каждого посильная задача. Путь к ее решению — междисциплинарный подход, завоевавший права гражданства в исторической науке.

Мы не раз затронем в нашем курсе все эти проблемы более подробно. Приступаем к анализу основных методологических категорий исторического познания: исторического источника, исторического факта, исторической закономерности и исторического времени.

Лекция четвертая. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ЕГО ИНФОРМАЦИОННАЯ НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

Историк воссоздает картину прошлого, опираясь на исторические источники, «остатки» прошлой деятельности людей. В последнее время подчеркивается, что «остатки» становятся источниками только тогда, когда попадают в поле зрения историка и последний «задает им вопросы».

Если в курсе источниковедения изучают классификацию, приемы критики, то в курсе методологии изучаются теоретические проблемы источниковедения: природа, репрезентативные возможности, гносеологические функции источников в исследовании.

В классическом источниковедении первой половины XIX века (Б. Нибур, Л. Ранке) рассматривали источник как объективное свидетельство прошлого и, в известной мере, преклонялись перед ним. Исторiku нужно было только описать данные, которые сообщил источник. Недооценивалась творческая роль мышления историка. Историки ориентировались на узкий круг источников, предпочтение отдавалось документам.

Позитивисты стремились возвести историю в ряд «положительных» наук, историк должен извлекать факты из документов. Все усилия были направлены на разработку методики анализа источников, отменялись философские вопросы. Вместо термина «источник» употребляли «след», оставленный мыслями и действиями людей, говорили об отражении мыслей и чувств, но не о самой действительности. Историк имеет дело только с мыслями автора источника, воспроизводит впечатление

чатления автора источника. Позитивисты отстаивали приоритет источников над мышлением историка: нет документов — нет истории. Недооценка теории вела к эмпиризму, историк — регистратор фактов. Считалось, что документы дают надежные объективные данные о реальных событиях прошлого.

В конце XIX века ситуация в науке усложняется, отношение источника к действительности, а историка к источнику представлялось более сложным, чем раньше. Осознали, что факты не содержатся в готовом виде в источниках. Стали критиковать культ фактов и фетишизацию документов. Правда, при этом стали ставить под сомнение объективность источника. Многие философы и историки признали более активную роль творческого мышления в анализе источников. Более глубокий подход позволил извлекать больше информации. Однако, борясь с фетишизацией документов, критики впали в другую крайность — фетишизацию мышления историка и отрицание объективного характера документов. Подчеркивалась зависимость содержания источника от мышления историка. Это направление называлось «критическая» философия истории. Б. Кроче считал, что исторические источники не существуют вне сознания историка, вне духа. Без мысли историка документы мертвы. Фактически источник оказался растворен в историческом сознании. Хотя сам по себе призыв Б. Кроче к развитию творческой мысли историка заслуживает признания. Однако его последователи поставили источник в полную зависимость от мышления историка, лишив объективного содержания.

Английский историк А. Марру критиковал позитивистов за попытки свести роль историка к регистрации фактов. История — результат творческого усилия историка, субъекта познания. Однако при этом делал неправильный вывод, что историк создает источник. Разумеется, не все историки согласны с этим.

Э. Карр выступил против чрезмерного подчеркивания роли историка, что ставит под сомнения возможность объективной истории.

Отечественные историки марксистского направления рассматривали источник как результат социальной деятельности и форму отражения объективной исторической реальности, как единство объективного и субъективного, диалектическое единство субъекта и объекта. Источники — социальное явление, в них отражаются социальные отношения. Источник — субъективный образ объективной реальности.

Сторонники подобной точки зрения признают, что источник существует независимо от историка, но только от историка зависит включенность источника в процесс познания. Историк не создает источник, а извлекает из него информацию.

Источник в свете теории информации. Источник — носитель информации, которая необходима историку. Историка часто не удовлетворяет информация, которую он извлекает из источника: когда цели автора источника и исследователя не совпадают, то нет информации, нужной исследователю. Тогда историк привлекает другие источники, стремиться повысить информативную отдачу имеющихся в его распоряжении источников. Поскольку источник является носителем социальной информации, к нему применимо учение об информации.

Согласно И. Ковальченко, информация — это отраженное разнообразие явлений, происходящих в мире. Постоянный обмен информацией — условие функционирования общества, жизни человека. Информация бывает *выраженная и скрытая* (последней значительно больше). Информация выражается в знаковых, чаще языковых системах, ее можно хранить и передавать.

Возможность получения объективной информации лимитируется познавательными возможностями субъекта, зависит от применимых им методов. Можно получить искаженную информацию.

Информация бывает *фиксированная и нефиксированная* (устная). Фиксированная на материальных носителях надежнее устной. Конечно, чем больше информации, тем лучше, но *малозначительная* информация должна оставаться исследователем в стороне. Есть проблема *достаточности* информации. Все это надо учитывать при анализе источников.

Как отмечал И. Ковальченко, сам процесс возникновения источника — информационный процесс. Создатель источника имеет конкретную цель и решает определенные задачи. Сам автор источника — часть действительности. Нет плохих и хороших источников, все зависит от позиции и применяемых исследователем методов.

Каждый источник несет двойную информацию. Во-первых, через сознание автора мы получаем информацию об объекте исследования. Во-вторых, характеризует субъекта, дающего информацию. Например, мемуары дают информацию о событиях и о самом мемуаристе, его взглядах и предпочтениях. Зная автора, мы можем судить об адекватности изображенных событий: насколько он заинтересован в объективности, какие познавательные возможности имел (мог и не знать о чем-то).

Говоря о статистике как источнике, И. Ковальченко отмечает, что все извлечения и сводки ведут к потере информации — так в земских переписях крестьянских дворов российской деревни фиксировались подробные сведения, а в сводках лишь некоторые. Особенно ценны источники, где отражена *первичная информация* — первоисточники.

Конечно, прошлое отражается в источниках селективно, есть пробелы, но историк не должен впадать в пессимизм, он должен помнить об *информационной неисчерпаемости источника*. Важно уметь извлекать *скрытую информацию, так как она менее искажена творцом источника*. Известна особая роль письменных источников и здесь встает проблема познания системы — языка источника.

И. Ковальченко ратовал за *системный подход* к анализу источников, с помощью которого извлекалась скрытая информация. С помощью системного подхода можно проверить достоверность информации.

Постмодернисты и текст источника. В последние десятилетия за рубежом, и частично у нас, все больше внимания уделяется источнику как *тексту*. Тексты пересказывают события по законам языковых и логических, риторических и нарративных конструкций. В результате историческая реальность деформируется. Ю. Лотман обращал внимание на проблему языка, взаимодействия метаязыка описания и описываемого объекта. Есть проблема перевода языка источника на язык исследователя. Историк принадлежит к «другому» типу культуры. Идет диалог со временем. Оба участника диалога открыты для новых текстов и новых интерпретаций (Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург, 2000).

Семиотический подход дает новые возможности для разработки новых методов критики источников, и это полезно историку. Да и в работах лингвистов много убедительных примеров. Однако крайности позиции модернистов относительно нерепрезентативности источников вряд ли будут приняты историками. Крупный польский историк и методолог Ежи Топольский недавно опубликовал свой доклад на конференции в Институте всеобщей истории «Исторический источник и доступ историка к исторической реальности», где он отвечает на

критику постмодернистов, согласно которой источники не дают адекватного представления о прошлом. Е. Топольский согласен, что многое в критике постмодернистов заслуживает внимания. Нельзя упрощенно полагать, что историческую реальность так просто можно открыть. Прошлое, которое мы знаем — это конструкция историка. Наивно полагать, что источник это контейнер, хранящий истину, которую можно извлечь, открыв его. Но без источников нет исторического исследования. На базе источников создается нарратив. Но задача не в том, чтобы нарратив источника перевести в нарратив исторического сочинения. Е. Топольский считает, что у историка нет контакта с прошлым, а только нить, слабая связь с реальностью. Но отказываться от этой связи нельзя.

Далее Е. Топольский делит источники на *прямые* и *косвенные*. Прямые историк наблюдает сам (археологические памятники, здания и т. д.) Непрямые, когда объект наблюдается кем-то, а не историком. Косвенный источник — письма, хроники, дневники. Если информация не содержит интерпретации, то это базовая информация. Историк, в отличие от литератора, не может выдумать факты — пропускает через информацию данную источниками. Факты используются для создания конструкций нарратива, при этом историк прибегает к дедукции. Все это контролируется источниками и внеисточниковым знанием. Заканчивает свои рассуждения Е. Топольский призывом к историкам реалистично смотреть на возможности источника.

Е. Топольский обосновал особую роль *внеисточникового знания* в работе историка. Дело в том, что, приступая к работе с источниками, историк уже многое знает о том периоде, который изучает: он знает факты, бытующие объяснения (в том числе теории). Уже выбирая тему исследования, историк пользуется этими знаниями и когда ставит вопросы источни-

ку. Причем, он знает, как историки уже использовали этот источник. Очень важна исходная схема. Например, при оценке Ивана Грозного важны ли моральные и психологические моменты или социально-экономические сюжеты. Выбор источника и его анализ зависит от установки историка и тех знаний, которые у него есть в данный момент по изучаемой проблеме. Отсюда огромна роль внеисточникового знания в исследовании.

Лекция пятая. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Установление исторических фактов, их интерпретация являются одной из основных задач исторического исследования. Историк не только должен владеть профессиональными навыками, но и иметь свою концепцию исторического факта (как устанавливать, анализировать и интерпретировать факты). Все время пока существует историческая наука идет полемика о содержании понятия «исторический факт». Разброс мнений велик — от идеи «кирпичиков», из которых строится историческое сочинение, до представления о факте как произвольной умственной конструкции. Но эта полемика не носит схоластического характера, продвигает историческую мысль в целом, помогает осмысливать все новые подходы, новые методы исторического исследования.

В XIX веке господствовал «культ» факта. Задача установления исторического факта сводилась к критической проверке источников. Под фактом понимали достоверное знание, отражавшее реальные исторические события. Факты понимались как надежная основа объективности науки, которая во многом сводилась к описанию фактов, причем, исторические обобщения, в силу их абстрактного характера, не приветствовались. Известно высказывание немецкого историка Л. Ранке, пожалуй, одного из самых известных и титулованных, что писать историю надо так, «как все это происходило».

Позитивисты скептически относились к обобщениям, рассматривая их как субъективные конструкции историка. Ре-

результатом явился эмпиризм, абсолютизация фактов. Задача историка — систематизация фактов, связанных цепочкой причинно-следственных связей.

Г. Риккерт исходил из воззрений неокантианской школы о специфике истории. Историк должен обосновать чисто фактическую истинность своих суждений. Факт истории однократен и содержит в себе единичное, индивидуальное, неповторимое. Критерий отбора фактов — отнесение к «ценности».

Но развитие науки показало, что факт не только предпосылка, но и результат исследования. Не только обобщение невозможно без фактов, но сами научные факты содержат в себе обобщение. Английский ученый Ф. Пауик считал, что факты науки — это серия суждений, а обобщения — суждения о суждениях.

Американский историк К. Беккер в 1955 г. выступил с идеей, что любой простой факт включает в себя множество более мелких. Он считал, что факт — «умственная конструкция символ, обобщение тысячи одного простейшего факта». Нет никакого объективного содержания в факте, и он не соответствует реальной действительности. Все замыкается на сознании историка. Эти явно релятивистские взгляды развивали и другие философы, в частности француз Р. Арон — «факты не существуют сами по себе, только через сознание и для сознания». Битва, описываемая историком, происходит только в его сознании. Исторической реальности вне сознания историка нет. Факт произвольно конструируется историком, и историческое познание носит относительный характер.

Конечно, подобные взгляды не удовлетворяли историков, это была дорога в «никуда», к агностицизму. Известный нам Э. Карр в своей книге утверждал, что факт — «твердое тело в мякоти интерпретации». Факты не доходят в чистом виде до

нас, преломляются в сознании историка, они не нейтральны, выражают позицию историка, его интерпретацию. Поэтому факты существуют лишь в определенной интерпретации. Процедура отбора фактов — результат априорных решений историка. Как писал Э. Карр, историк пробирается между Сциллой теории истории как объективной компиляции фактов и примата факта над интерпретацией и Харибдой понимания истории как субъективного продукта мышления историка, который устанавливает факты и управляет ими в ходе интерпретации. Это, действительно, две крайних позиции, но попытки найти компромиссное решение продолжаются.

Философ Г. М. Иванов считал, что факт представляет собой объективную реальность, отраженную сознанием. Исторический факт не тождествен событию, но их не надо противопоставлять — это приведет к субъективизму. Факты социальны, представляют собой единство субъективного и объективного. Содержание факта неоднозначно, что зависит от аспекта и предмета исследования. Надо различать факты действительности и факты исторического сознания, факт-информацию и факт-событие. Любое сообщение нельзя отождествлять с фактом-событием, но и сводить действительность к фактам сознания не следует. Г. М. Иванов дает *группировку фактов*. Во-первых, *по содержанию* они могут быть *экономические, политические, идеологические* — они позволяют изучать структуру общества, функциональные связи. Второе — факты группируются *по их структуре*, определяемой структурой самого явления: *простые и сложные факты*. Конечно, это деление относительно, так как один и тот же факт может быть простым в одном отношении и сложным в другом. Простой факт — единичный, индивидуальный, неповторимый, не поддается делению на более про-

стые. Есть факты процессы (генезис феодализма, становления наций, расслоение крестьянства). Изучение фактов требует системного подхода.

В-третьих, можно выделить *факты существенные и несущественные (по значению)*. Историк отбирает наиболее значимые события. Критерий деления на существенные и несущественные определяется предметом и аспектом исследования. Но различия относительны. В одном случае факт несущественный, в другом — он же играет важную роль. Факты личной биографии Екатерины Второй не существенны при изучении крупных процессов, происходивших в России, но существенны при написании ее биографии.

И. Ковальченко выделял три категории: *факты исторической действительности, факты исторического источника и научно-исторические факты*. Историк должен различать эти виды фактов.

Факты исторической действительности. Позитивисты считали реальными лишь простейшие единичные факты. На самом деле, кроме таких фактов, есть сложнейшие процессы и системы, которые изучает историк. Историк определяет пространственные и временные границы, качественную определенность сложных фактов.

Любой исторический факт находится в системе других фактов и взаимодействует с ними. Система фактов многозначна. Поэтому историки по-разному видят факты. Видят по-разному, но реальное содержание факта объективно. Исторические факты неповторимы на единичном, событийном уровне, но на уровне развития и функционирования общественных систем им присуща повторяемость.

Факты исторических источников (сообщение источника). Историк определяет: насколько источник дает объективную картину, каковы его информационные возможно-

сти. Важное значение имеет герменевтика — истолкование фактов. Преодоление субъективности и иллюзорности сообщений источников — задача источниковедения.

Научно-исторические факты. Эти факты формируются самим историком. Это не просто факт, взятый из источника, а, по выражению М. Барга «концептуализированный, т. е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией». Совокупность фактов должна быть представительной, чтобы обеспечить решение задачи. Основной принцип, обеспечивающий представительность фактов, — системность этих фактов. Не просто совокупность, но система фактов, где факты взаимосвязаны и составляют содержательную целостность. Пробелы в источниках может восполнить абстрактный содержательно-теоретический анализ. Другое дело, когда в распоряжение историка попадают массовые данные, тогда применяется выборочный метод, при этом выборка должна быть репрезентативной.

Научно-исторический факт по мере развития науки, появления новых источников, новых подходов все более полно отражает факт действительности. Меняется его интерпретация. Именно она превращает данные источника в научный факт. Однако разные историки по-разному интерпретируют факты, и это дает основание релятивистам оспаривать наличие объективного содержания фактов. Постмодернисты уверяют, что наличие многих интерпретаций исключает объективность исторического знания. Но это крайняя позиция. Во-первых, не так уж много интерпретаций одних и тех же событий или процессов. Историк всегда может объяснить, почему ранее давались те или иные интерпретации и почему он предлагает свою, — это и есть развитие науки, которое, как известно, не имеет пределов. Наконец, сами факты, имеющие объективное содержание, ограничивают возмож-

ности интерпретаторов. Если это, разумеется, не ловкие фальсификаторы истории. Все более глубокое прочтение фактов — залог развития науки. Борьба мнений, концепций только способствует исследованию.

В заключение еще раз подчеркнем, что исторические факты имеют для историка самодовлеющее значение. Истории без фактов нет. Историк отбирает факты, истолковывает их, придает им смысл, включает факт в систему научных представлений. Конечно, многое зависит от самого историка, его эрудиции и профессионализма. Отсюда и разное толкование фактов. Но не нужно забывать об объективном содержании фактов — его-то и должен искать историк, предлагая свое толкование факта. Он постоянно приближается к познанию факта действительности, не исчерпывая его до конца. Нужно решительно отвергнуть попытки постмодернистов стереть окончательно грань между фактом и вымыслом. Это доведенная до абсурда старая тенденция рассматривать исторический факт лишь как умственную конструкцию, не имеющую никакой связи с реальностью прошлого.

Лекция шестая. КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Историческая закономерность. Мы подошли к одной из главных проблем исторического познания: открывает ли историческая наука законы или ограничивается описанием индивидуальных, неповторимых событий. Если история — наука, то как всякая наука, она должна проникать в сущность явлений, установить их закономерную связь. В то же время выше были показаны трудности процесса познания, и многие философы подчеркивают случайный характер исторического процесса и задачу открытия законов передают социологи.

Решение этого вопроса поможет ответить на вопрос о необходимости и случайности в истории. Фаталисты считают, что история катится по накатанной дороге, все в ней закономерно и необходимо, а человек только щепка в этом стремительном потоке. Волонтаристы, наоборот, считают, человек — творец истории и может построить нужное ему общество. Как видим, вопрос выходит за рамки академической науки, затрагивает самые острые вопросы, волнующие человечество.

Идея закономерности исторического процесса — завоевание мысли нового времени: просветители внесли решающий вклад в преодоление средневековой идеологии «божественного предопределения» судьбы человека, придали истории светский характер, утвердили рационалистический подход.

Позитивисты по-разному понимали законы развития общества: то отождествляли их действия с законами природы, то считали главным законом моральный прогресс человечества.

Немецкий историк в начале XX века Э. Мейер заметил, что ни одному историку пока не удалось открыть новые исторические законы.

Марксисты отстаивали идею закономерности. Результаты деятельности людей не совпадают, как правило, с их целями. В обществе действует много закономерностей и в итоге складывается равнодействующая, которая и выступает объективной закономерностью.

Предложенная марксизмом теория общественно-экономических формаций представила общую картину исторического развития общества как процесс закономерного, но не была принята большинством историков, хотя получила немало сторонников почти во всех регионах мира.

Часть историков и философов (А. Тойнби, О. Шпенглер) приняли теории «циклического» развития. Каждая цивилизация или культура переживала период рождения, роста, кризиса и упадка. Но эти концепции также не являются общепринятыми среди историков. Многие признают законы формальной логики, психологии, даже самого познания, но не законы исторического развития.

Отечественные историки оспаривали тезис позитивистов о том, что законы открывает социология, а историк лишь иллюстрирует их на историческом материале. М. А. Барг в своей книге «Категории и методы исторической науки» (1984 г.) отделил историческую закономерность от социологической. Каждая из них работает на соответствующем уровне познания действительности. Исторической закономерности свойствен свой уровень абстракции, который несколько ниже уровня абстракции социологической. Если социологический уровень выражает общее, то исторический — особенное. Правда, этот тезис не был принят теми, кто считал, что не надо снижать уровень познания историче-

ской науки — лишать ее права открывать общие законы. Однако была плодотворной сама идея, что историческая закономерность не сводима к социологической, она конкретнее, богаче, многообразнее. Историком недостаточно знать социологические законы, надо привлечь целую связку «частных» законов, воздействием которых и порождено событие. Исторический закон — это узел различного рода «частно-исторических» закономерностей, точка их пересечения, равнодействующая. Выявляются отклонения от проявления социологических законов, несистемные явления в жизни общества. Историческая наука не позволяет социологии «выпрямить» процесс истории. М. Барг намечает классификацию собственно исторических законов по времени, ареалу действия, формам проявления и по механизму действия. Проявляют они себя как тенденции и как статистические законы.

В 1889 году Б. Г. Могильницкий писал, что, оперируя только общими законами, нельзя показать многообразие исторического процесса. Действительность сложнее самого правильного закона. Исторический закон — это необходимое, существенное, устойчивое повторяющееся отношение между конкретными явлениями, образующими внутренне схожие исторические ситуации. Исторические законы являются конкретно-всеобщими, индивидуализирующе-генерализирующими, условными (вероятностными). Они объясняют конкретный ход исторического процесса и сущностную связь явлений. Наконец, нужные условия — исторические ситуации (законы исторических ситуаций предложил Л. Е. Кертман). Б. Могильницкий прав, когда говорит о том, что признание существования только социологических законов ведет к фатализму и апологетике — все оказывается предопределенным и

закономерным. Историческую закономерность он рассматривает как взаимодействие субъективного и объективного.

Шагом вперед для отечественных историков была постановка вопроса об *альтернативности в историческом развитии*. Ранее господствовало более жесткое представление о действии законов. В годы перестройки была признана возможность реализации различных вариантов развития общества. В зарубежной историографии всегда признавали возможность существования разных альтернатив, победа одной из них зависела только от случая. Перед отечественными историками встала задача совместить идею закономерности исторического процесса и возможность альтернативного незапрограммированного развития.

История инвариантна в том смысле, что она состоялась и «переиграть» ее нельзя. Однако различные тенденции в развитии не реализуются автоматически. Каждая из возможных альтернатив имеет основание в объективной реальности. Историк не сочиняет их, а ищет в реальной действительности. Общество противоречиво, в нем действуют разные тенденции, противоборствуют политические партии, социальные и экономические структуры. Историк должен выяснить, почему победила та или иная альтернатива. Закономерность выступает как результат противоборства альтернатив, реализованная историческая возможность.

Для победы того или иного варианта развития нужна объективная возможность ее реализации и субъективный фактор — силы, которые могут осуществить именно этот вариант. В. И. Ленин писал летом 1917 года: «Что даст завтра наша революция: возврат к монархии, укрепление буржуазии, переход власти к более передовым классам — мы не знаем и никто не знает» (В. И. Ленин ПСС Т. 32 С. 252). Историк должен изучить, как реализовалась та или иная

возможность и какие это имело последствия. Причем, нужно определять реальные возможности, так как в ходе борьбы выдвигаются мифологические цели, не осуществимые в данных условиях альтернативы. Иногда современники не замечают возможностей, а историк знает «чем» дело кончилось, видит отдаленные перспективы.

Важно подчеркнуть, что победа альтернативного варианта не отменяет действия закономерности, так как действия субъективного фактора ограничено объективными условиями. Было бы упрощением считать, что всегда возможна альтернатива. Но игнорирование такой возможности обедняет представление об истории, придает оттенок фатализма, предопределенности. Конечно, есть опасность увидеть альтернативу там, где ее нет, но это зависит от эрудированности историка и его объективности.

Подводя итог размышлениям о существовании специфической исторической закономерности, отметим, что для большинства европейских философов это вообще не было проблемой, так как они отрицали наличие законов в истории и, естественно, возможность их познания. Ясно одно, если историки будут пользоваться лишь социологическими законами, они «социологизируют» историю, (что имело место в отечественной историографии), потеряют главное — конкретно-исторический подход к явлениям и событиям прошлого. Хотя, безусловно, тезис об исторической закономерности нуждается в дальнейшей разработке.

Тесно связана с проблемой закономерности, периодизации истории, *категория исторического времени*.

В 1997 году опубликована фундаментальная монография И. М. Савельевой и А. В. Полетаева «История и время». Авторы считают, что категория времени имеет столь же важное значение для методологии истории, как предмет и метод истории. Как отмечал Ф. Бродель, «Время липнет к его (исто-

рика, — И. П.) мысли как земля к лопате садовника». На основе представления о времени формулируются гипотезы, выводы исследования.

Проанализировав философскую литературу, авторы выделяют два образа времени «Время №1» — статическое, дискретное, гомогенное и казуально-нейтральное и «Время №2» — динамическое, континуальное, гетерогенное и казуально-эффективное. Эти концепции сосуществуют в европейской культуре уже не одно столетие. Оба образа времени присутствуют в исторических сочинениях. Разумеется, мы не сможем пересказать здесь 800-страничную книгу и адресуем читателя непосредственно к ее тексту.

Как отмечают авторы, историки действуют во времени, заполняя прошлое в соответствии с представлениями настоящего. Временная неоднородность заполнения прошлого и субъективность являются отличительными признаками исторического познания. Хронологические таблицы, например, по разному наполняются, не ясно, что происходило между указанными датами и какие события имели место. Выбор дат и событий — субъективен. Заполнить время фактами иногда нельзя из-за отсутствия источников. Заполненность определяется также идеологическими доктринами. Сейчас на Западе модна история женщин. Иногда влияют модные социологические теории (конфликта, власти, модернизации и т. д.). Таким образом, историки изучают свой предмет во времени, частями, под разными углами зрения. Неупорядоченность, дробность, неравномерность, мозаичность изученности разных периодов, разных географических ареалов порождает много «белых пятен» в полотне исторического времени.

В книге рассматривается весь комплекс проблем: событие и историческое время, календарное время, хронология, истори-

ческие эпохи, категория «всемирная история», циклы и стадии исторического развития. В центре внимания — диалектика прошлого, настоящего и будущего. Авторы критикуют «вольное» обращение со временем постмодернистов.

Авторы приходят к выводу, что историки по-разному «играют со временем» — это зависит от времени, когда живет историк, принадлежности историка к тому или иному сообществу, профессиональному или политическому. От задач, которые ставит историк — поиск истины, воспитание молодежи или историческое обеспечение какой-либо политической линии. Наконец, от того, насколько серьезно историк относится к своему труду. Но в центре внимания историка всегда — изучение «иного» бытия, «иного» времени.

Историки сами не так много внимания уделяют размышлениям о времени. Исключение — концепция французского историка Ф. Броделя *«разной длительности исторического времени»*. Он концентрировал внимание на структурах — «архитектуре исторических явлений». Причем, структуру понимал не как умозрительную конструкцию, а реальность (стабильную, медленно меняющуюся), устойчивую структуру.

Ф. Бродель выделил три «слоя» времени. В самых нижних слоях общественного бытия господствуют стабильные структуры, основными элементами которых является человек, Земля, космос. Время течет медленно, отношения природы и общества меняются в течение столетий. Это «длительное время». Второй «слой» — экономическая и социальная действительность, имеющие циклический характер, и интервалы временные здесь короче. И, наконец, третий «слой» — политические события определяются хронологией.

Концепция «длительной протяженности», по мысли Ф. Броделя, поможет историку вырваться из плена «собы-

тий», взглянуть на них «другими» глазами. У Ф. Броделя появились последователи: Ле Руа Ладюри в 1974 году опубликовал книгу «Неподвижная история». Сторонники этой концепции, например, пытались пересмотреть традиционную концепцию французской революции конца XVIII века, считая ее лишь «эпизодом», событием, не очень важным с точки зрения «длительной» протяженности, вековых ритмов. С этим не согласилось большинство историков. Вскрытие историком более глубинных причин революции не должно приводить к зачеркиванию самой революции, ее событий.

Как всегда, историк должен избегать крайностей в использовании новых концепций и подходов, приветствовать каждую «свежую» мысль, но реалистично оценивать ее возможности и умело применять.

Лекция седьмая. ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Принципы познания — это требования к исследователю, выполняющие регулятивные функции в исследовании. Они определяются мировоззрением исследователя, принадлежностью к тому или иному философскому направлению, философии науки, исторической школе. Принципы тесно связаны с методами. В некоторых работах их даже путают. Принцип более широкое понятие, он может породить целый ряд методов. Один метод может обслуживать ряд принципов. Вопрос о том, что считать принципами исторического познания дискуссионен. Все принципы используются или оспариваются различными направлениями исторической науки. О философах и говорить нечего. Они называют разное количество принципов и по-разному трактуют их содержание.

Мы охарактеризуем наиболее распространенные принципы, применяемые историками в своих исследованиях. Сразу скажем, они не являются общепринятыми, и каждый исследователь определяет к ним свое отношение. В развенчании этих принципов особенно стараются философы некоторых направлений. Поэтому историку-практику не так просто разобраться в этом.

Принцип объективности. Этот принцип предполагает, что историческая реальность объективна, что источники и факты имеют объективное содержание и с помощью исторического осмысления можно достичь объективной истины. Если историк не принимает этого принципа, ему нет смысла занимать-

ся историей. В XIX веке призывал историков к объективности немецкий историк Л. Ранке. Он считал, что «историк не должен судить прошлое и поучать современников для пользы будущего», а лишь показывать, как все это происходило, используя особые методы и критики источников. Это идеал, который трудно реализовать, но стремиться к его осуществлению необходимо. Его коллеги в Германии не согласились с этим тезисом: в это время шел процесс объединения Германии и, историк, по их мнению, не должен стоять в стороне от политики. Г. Трейчке считал, что беспартийным историк может быть только, когда лежит «в гробу». Да и сам Л. Ранке не скрывал своих политических и религиозных взглядов. Марксисты показывали партийность историков как отражение классовой позиции. В советское время был сформулирован тезис о партийности исторической науки. Было забыто предупреждение марксиста Г. Плеханова, что историческая наука партийной быть не может, партийной может быть позиция ученого. Разница затушевалась, и это привело к тому, что историков призывали стать «бойцами идеологического фронта», ориентировали последних на исправление истории «в свете» партийных решений. В этих условиях о поисках истины даже не вспоминали. Идеология подмяла под себя историю, лишая ее статуса науки.

Между тем атаки на объективность продолжались весь XX век и со стороны западных философов. Субъективизм и релятивизм получили широкое распространение. Но наиболее мощное наступление началось на историческую науку со стороны постмодернистов в 70-е годы, упорно доказывающих и сей день, что историки не могут претендовать на достижение объективной истины и должны отказаться от бесплодных попыток.

Но историки не могут отказаться от поисков истины. Это доказано веками их самоотверженного труда. Если критика конструктивна, она всегда учитывается историком, он ищет новые методы достижения своей цели. Конечно, есть определенные интересы, и не только классовые, но национальные, религиозные и прочие, которые влияют на историка. Но всегда находятся пути преодоления трудностей, и критика помогает этому процессу.

Историк должен всесторонне, конкретно изучить объект, который включает в себя людей, одаренных сознанием, имеющих определенные интересы, ставящих конкретные цели и добивающихся их достижения. Объект познания сам участвует в историческом процессе и познает свою сущность.

Отечественные историки долгое время считали, что они владеют «единственно» научным методом и что никаких проблем с познанием нет. Теперь все больше приходится уделять внимания этим проблемам, чтобы действительно продвигаться к более глубокому познанию истории.

Достичь объективности поможет активность субъекта познания, преодоление созерцательности познания. Использовать все методы, включая междисциплинарный подход. Исторiku необходимы: высокий профессионализм, широкая эрудиция, чувство ответственности перед людьми, жившими в изучаемый период, перед коллегами и, наконец, перед современным обществом. В то же время активность исследователя, извлечение информации, создание моделей не должно оставить места произволу, искажению истории. Роль исследователя велика, когда он остается один на один с материалом. От его честности и таланта зависит результат исследования.

Принцип детерминизма. Идея каузальности (причинности) пришла в новое время на смену идее провиденциализма средних веков и «случайности» событий, господствовавшей в эпоху Возрождения. Принцип причинности сформулировали французские и немецкие просветители. Они были против идеи, что история — хаос случайностей. Детерминизм просветителей носил настолько жесткий характер, что изгонял случайность из истории вообще, что было неверно. Эволюционный метод, распространившийся в XIX веке, ориентировал на построение непрерывной цепи причин и следствий (позитивизм и марксизм).

Принцип детерминизма обращает внимание исследователя на обусловленность исторических явлений и процессов. Все явления связаны и взаимодействуют между собой. Историк должен ориентироваться на раскрытие причинно-следственной связи явлений, выявление факторов, вызывающих то или иное явление. При системном подходе изучаются функциональные связи.

Большинство историков в своих исследованиях ищут причины исторических событий — это первичное признание наличия необходимых, закономерных связей в истории. До сих пор принцип детерминизма оспаривают те, кто отрицает закономерности исторического развития, исходят из непредсказуемости, случайности исторических событий, несовместимости детерминизма с фактом человеческой свободы. Конечно, имеет место в истории и случайность, и непредсказуемость явлений. Человек имеет свободу выбора, но он сталкивается с другими людьми и структурами общества, которые не всегда дают возможность добиться желаемой цели.

Одной из причин недоверия к принципу детерминизма является сложность раскрытия причинно-следственных связей в истории. Редко события (войны, революции) вызываются одной или двумя причинами. Приходится вскрывать действия ряда факторов. Еще позитивисты предложили теорию «равноправных» факторов: экономических, политических, идеологических и т. д. и считали, что все эти факторы равнозначны для историка, и он не должен искать соподчинения их, не должен выделять решающие. На практике, правда, позитивисты склонялись чаще к идеальным факторам как определяющим ход истории, признавая иногда и роль факторов материальных.

На самом деле все обстоит сложнее. Существует несколько уровней причин. Например, Великобритания захватила в 1882 году Египет. Есть причины конкретные, связанные с отношениями двух стран (единичные), есть причины, связанные с расширением Британской империи (особенные) и есть причины, корнящиеся во всемирной схватке за раздел и передел мира (общие). Конечно, были экономические, политические, стратегические, психологические, идеологические и другие причины захвата Египта. Историки придают решающее значение отдельным факторам или группе факторов — этим их книги и отличаются друг от друга.

Еще сложнее определить причины поступков и решений государственных и общественных деятелей — из-за множества влияющих на них факторов. Можем ли мы считать, что знаем все причины Первой мировой войны — сложного многопланового события, в ходе которого менялись цели и намерения сторон. Иногда приводится много причин назревания Ирландской революции 1921 года, но какая (или какие) из них была решающей — мнения историков расходятся. Все это

порождает сомнения в закономерности этих событий. Таким образом, поиск историком причинно-следственных связей всегда был важным средством объяснения исторических событий. Хотя поиск этот не был простым, и по сей день нельзя считать его завершенным по многим историческим проблемам. Постмодернисты решительно отвергают принцип детерминизма, рассматривая историю как бессвязную прерывистую последовательность событий, которую историк не может познать. Но такой подход для историка-практика не приемлем.

Принцип историзма. В становление и развитие этого принципа внесли вклад многие мыслители, начиная с Д. Вико, но отметим решающий вклад немецких романтиков немецкой «исторической школы права», французских историков периода реставрации и Г. Гегеля. Представители немецкой «исторической школы права» исходили из того, что существующие государственно-правовые формы не являются следствием волюнтаризма политиков, а результатом долгого «органического» развития, проявлением немецкого «духа». Чтобы понять современное государство, нужно изучить его историю. Это и был принцип историзма: *понять любое явление, событие, учреждение можно только поняв его историю.* Конечно, политическая позиция этой школы была направлена против попыток внедрения кодекса Наполеона, против прогрессивных преобразований, но сама идея исторического подхода оказалась и продолжает оказывать значительное влияние на историков.

О. Тьерри требовал конкретности при описании событий и решительно выступал против модернизации прошлого. Нужно видеть своеобразие каждой эпохи, не смешивать краски. Мастером воссоздания картин быта, нравов, атмосферы прошлых эпох был шотландский историк и романист Вальтер Скотт.

Главный вклад Г. Гегеля в историзм — обоснование диалектического метода. Историю рассматривал как саморазвитие абсолютного духа или как развитие сознания свободы. По-разному относились к Г. Гегелю потомки, но огромный вклад его в развитие историзма очевиден.

К. Маркс, открыв материалистическое понимание истории, поставив диалектику Г. Гегеля на материалистическую основу, «развернул» смотревший «назад» историзм немецкой «исторической школы права», защищавший устои современного общества и направил его на преобразование общества, предсказывая грядущий конец капитализма.

Однако в самой Германии Э. Трельч, Ф. Майнеке признавали историчность всего существующего и относительность познания. Сущность историзма видели в замене генерализирующего видения мира индивидуализирующим, не в познании закономерностей, а в отнесении фактов и явлений к «ценностям». Эти взгляды вписывались в неокантианскую традицию, уже нам знакомую.

В XX веке много писали об историзме философы и историки разных направлений, больше с критических позиций в отношении марксизма, революционный характер которого особенно их беспокоил. Отечественные историки и философы отстаивали марксистский подход. Широко цитировали ленинское определение историзма «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное событие возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (ПСС Т. 39. С. 67). Главное требование к историку конкретный анализ конкретной ситуации, избегать модернизации и архаизации в оценке явлений и событий прошлого. Против

этих посылок трудно возразить, но справедливость требует отметить, что отечественные историки в условиях идеологического диктата часто отступали от этого принципа.

Итак, требование принципа историзма — вскрывать генетическую связь явлений, внутреннюю связь между ступенями развития, проследить, как из одного явления возникает другое, все явления рассматривать конкретно-исторически, в связи с другими явлениями, определить историческое значение событий, имея в виду наиболее развитый этап эволюции событий и явлений. Все это составляет основное содержание исторического метода современных историков.

Принцип системности. В XX веке все науки стали использовать системный подход — объект изучения рассматривался как сложноорганизованная система, как совокупность причинно-генетических, функциональных связей. С конца 70-х гг. в нашей стране стала появляться литература об этом принципе, и даже вышла книга «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса» В. П. Кузьмина. Для утверждения системного подхода много сделали М. Барг и И. Ковальченко. Они доказали, что историк может совместить в своем анализе и принцип системности, и принцип историзма, развития. М. А. Барг раскрывает понятия системы и структуры, подсистемы. Структура — форма организации элементов и связей, составляющих систему, скрытая от исследователя. Далее М. Барг ставит проблему «структура и процесс». Первая — момент устойчивости, второй — изменчивости. Они дополняют друг друга. Приводит примеры различного типа структур в обществе, отделял историческую структуру от социологической.

Конечно, это далеко от классического структурализма, но определенное положительное влияние на отечественную науку это оказало, прежде всего, в применении математических методов.

В данном разделе охарактеризованы, разумеется, не все принципы исследования. Каждое философское направление формулирует свои принципы познания, которые используют последователи того или иного направления. Анализ методов исследования мы начнем с характеристики философских, оказавших большое влияние на историков.

Лекция восьмая. **ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ В ИСТОРИИ**

Историческое познание носит автономный характер, оно лишь опосредованно испытывает влияние философских школ и направлений. Философия дает подходы и методы познания истории. Историк часто не знает глубоко философских направлений, и выбор им методов исследования носит стихийно-эмпирический характер.

Часто историки оказываются эклектиками — используют методы различных философских направлений — те, которые нужны им в конкретном исследовании, не являясь последовательными приверженцами той или иной философской школы. Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей. Как раз то, что историки не связаны обязательством следовать строго тому или иному направлению, и объясняет постоянные смены методов, учет новых веяний в философии. При этом историческая наука кумулятивна, она не отбрасывает старые методы, но постоянно пополняет арсенал исследовательских приемов. Разумеется, если историк глубоко знаком с философскими проблемами, он сможет больше почерпнуть нового для себя, поэтому философская эрудиция свойственна всем крупным историкам. Однако историк не входит во все тонкости той или иной концепции — это предмет философии, историк берет лишь то, что помогает ему исследовать предмет своей научной работы.

Ниже дается характеристика основных философских подходов, оказавших серьезное влияние на развитие исторической науки, вызвавших возникновение новых школ и значительного числа последователей.

Позитивизм. Значительное влияние на историографию второй половины XIX века оказала «позитивная» философия О. Конта. Его последователи хотели и историю сделать «позитивной» наукой. Историк должен отказаться от умозрительных схем (имелось в виду гегельянство), устанавливать и описывать точные факты, критически анализировать источники и проверять факты.

Позитивисты считали, что законы развития общества — продолжение законов природы. О. Конт явился основоположником социологии, отстаивал эволюцию как основной закон общественного развития (от простых к более сложным формам).

На эволюцию общества влияют различные факторы: политические, экономическое, социальные, географические, идеологические, биологические, психологические и др. Они все равноправны и действуют одновременно. Историки изучали или отдельные факторы или несколько, но обычно, не определяя решающий, и не искали синтеза. До сих пор сказывается влияние этого подхода на историков.

Особо выделим интерес к социально-экономическим процессам и использование статистических методов. Это тоже было шагом вперед. Истории промышленности, сельского хозяйства, торговли стали предметом исследования. Однако главное внимание они уделяли интеллектуальному прогрессу, истории умственного развития. В актив историков-позитивистов надо отнести применение сравнительно-исторического метода. Главный недостаток — они отрицали возможность познания глубинных причинно-следственных связей в истории и считали, что задача историка — ответить на вопрос «как» проходили события, а не «почему».

Учитывая, что позитивизм не был однородным, историки воспринимали разные аспекты и были очень разными (Г. Бокль в Англии, И. Тэн во Франции, К. Лампрехт в Германии, Н. Кареев и М. Ковалевский, Е. Тарле в России), оставили заметный след в историографии.

Г. Бокль задумал написать историю мировой цивилизации, изучил 19 языков, собрал библиотеку более 20 тысяч книг, но здоровья хватило написать два тома «Истории цивилизации в Англии». Труд переведен на все языки. Привлекали прогрессивные идеи Г. Бокля, но главное его, труд — эталон позитивистского труда. Он считал историю самым благородным и трудным занятием. В умственном развитии, главном факторе прогресса Г. Бокль искал законы: сомнение и скептицизм — двигатели умственного прогресса. Исторические явления оценивал с точки зрения влияния на умственный прогресс.

К сожалению, позитивизм постепенно терял прогрессивные черты с конца XIX века, а историки впадали в эмпиризм. Но в целом, вторая половина XIX века — возникновение исторической науки, и заметна роль историков-позитивистов.

Марксизм. Параллельно с позитивизмом складывалось новое, материалистическое понимание истории. К. Маркс и Ф. Энгельс кратко изложили эту концепцию в «Манифесте коммунистической партии» (1848 год). Затем, в сжатом виде она изложена в предисловии К. Маркса к его работе «К критике политической экономии» (1859 год). Наконец, эта концепция доказывалась в монументальном «Капитале» и в других работах, в письмах Ф. Энгельса об историческом материализме после смерти К. Маркса. В нашей стране издано немало работ с изложением этих взглядов, поэтому коснемся лишь главных моментов.

В основу развития человеческого общества положена диалектика развития производительных сил и производственных отношений. Речь идет не просто об экономическом факторе (как у позитивистов), а о производстве материальных благ. В основе развития общества лежит смена способов производства: первобытно-общинного, античного, феодального, буржуазного и коммунистического.

Вся история — история борьбы классов. За всеми явлениями, происходящими в обществе, надо искать борьбу классов. К. Маркс писал, что открытие этой идеи принадлежит не ему. Действительно, понятие класса впервые у историков встречается в работе О. Тьерри «Завоевание Англии норманнами». Завоевателей он считает господствующим классом, побежденных — угнетенным. Затем Ф. Гизо увидел имущественные различия как основу деления на классы. К. Маркс определил место классов в системе производства. Его тезис о неизбежности диктатуры пролетариата, как основе уничтожения деления общества на классы, напугал правившие тогда классы, да и многих либеральных мыслителей своим радикализмом и принят не был. Но сам классовый подход используется до сих пор, хотя выделяют классы западными исследователями по другим критериям (уровню доходов и т. д.)

Отметим, что Ф. Энгельс обратил внимание на искажения трактовки материалистического понимания истории уже в трудах современников и последователей К. Маркса, не говоря уже о противниках. Многие историки рассматривали экономику как единственный фактор развития, определяющий исторический процесс. Получался «вульгарный» материализм. На самом деле, экономический фактор оказывал решающее влияние лишь в «конечном счете», а во-вторых, политика, право, идеология, философия, религия, литера-

и историки отрицают возможность познания законов развития общества, отрицают роль теории в исторической науке, делают упор на индивидуальное, неповторимое в истории. Конечно, это лучше, чем вульгарная социологизация, но явно недостаточно для определения статуса истории как науки.

Оказалась плодотворной идея Г. Риккерта об истории как науке о культуре. Сейчас она снова актуальна, хотя само содержание понятия культуры видоизменилось и стало более плюралистичным, как и представление о системе ценностей.

Структурализм. Против индивидуализирующего метода, событийной истории выступили структуралисты, предложившие системно-структурный метод, структурно-функциональный анализ. Первым начал разработку метода французский лингвист Ф. Де Соссюр. Он ввел термин «синхрония» и «диахрония». Дальнейший шаг вперед сделал этнолог К. Леви-Стресс, выпустивший в 1958 году книгу «Структурная антропология». Структуру он рассматривал как рабочую модель: собрать факты, установить связи между ними и построить систему или целостный объект, причем изучать в статике или в динамике. В 1973 году на международном конгрессе исторических наук был сделан специальный доклад о структурализме, его возможностях применительно к истории. В нашей стране отнеслись вначале настороженно к новому методу, но в 1976 году И. Ковальченко выступил за использование количественных методов, используя методику структуралистов.

Структура понимается как система устойчивых внутренних отношений, определяющих существенные признаки объекта. Нарушение отношений или связей может разрушить систему. Есть макроструктуры и микроструктуры в обществе. Надо понять законы существования структур. Новое в том, что историк должен изучать процесс не только в развитии, но —

синхронно, наряду с причинно-следственными связями изучать функциональные связи. Конечно, не все было принято историками из арсенала структуралистов, революции не произошло, но то, что история обогатилась математическими методами исследования — это факт, и сделаны немалые успехи на этом пути. Некоторые историки выражают опасение, что структуры вытеснят людей, и история станет безличной. Но ведь это зависит от историков.

Постмодернизм (постструктурализм). 70-е годы принесли «постмодернистский вызов» — решительный пересмотр многих теорий исторического познания. Как отмечалось, имел место «лингвистический поворот» и «семиотический вызов», затронувший историков. Согласно новому подходу, историческая реальность как объект исторического познания конструируется языковой и дикурсивной практикой. Язык рассматривается не просто как средство отражения и коммуникации, а смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление. Язык не отражает зеркально действительность: «означающее» не всегда адекватно «означаемому». Отсюда недоверие к тексту источника и историческому нарративу. Становится задача расшифровки текстов, культурных кодов этих текстов, при этом обращается внимание на изменения в языке источника.

Историки — постмодернисты трактуют текст не как объективизированный знак, а как знаковый код, условное обозначение предмета, предполагающее множество толкований. Отсюда внимание к дешифровке и к способам передачи информации. Язык источника структурирует образы прошлого. Историк переводит свои впечатления в слова, читатель — слова историка — в образы, но эти образы отличаются от образов историка.

тура и искусство оказывали, в свою очередь, влияние на развитие общества.

Второе: часто использовали учение К. Маркса как «универсальную отмычку», подгоняя материал под готовую схему, и выводы были известны заранее. На самом деле, учение К. Маркса лишь «руководящая нить» при исследовании, как отмечал Ф. Энгельс, «всю историю надо изучать заново». Наконец, догматизм несовместим с марксизмом, и творческое развитие последнего было одной из задач его последователей.

В советский период марксизм стал официальной идеологией государства, и историки перестраивались под «марксизм». К сожалению, они воспроизвели все искажения марксизма, о которых предупреждал Ф. Энгельс: переоценили роль экономики, подгоняли факты под заранее заготовленные цитаты. По образному выражению одного нашего историка, советская историография была смесью «обветшалого позитивизма» и «догматического марксизма». Эта оценка, в целом, верна, хотя были и исключения и талантливые марксистские работы и использовались другие методологические подходы. В 90-е годы XX века историки получили свободу творчества, им перестали навязывать «единственно верный» метод. Многие продолжают использовать марксистский подход в своих исследованиях, освобождаясь от догматизма. Марксистский подход к истории имеет немало сторонников в Европе и США. Правда, там с самого начала пошли по пути обогащения этого подхода новыми достижениями философии и социологии, как это и предполагали К. Маркс и Ф. Энгельс. Отношение на Западе к К. Марксу, как к другим мыслителям: используют те стороны его учения, которые считают перспективными, но дополняют новейшими подходами. Сейчас и в нашей стране наметился плюрализм подходов: исто-

рик выбирает методологию, которая помогает ему решить конкретную исследовательскую задачу. Было бы неправильно совсем «забыть» К. Маркса — его взгляды развиваются историками, хотя время выдвинуло немало новых подходов к изучению истории.

Неокантианство. Против позитивизма выступил В. Дильтей, в 1883 году вышла его книга «Введение в науки о духе». Никаких законов социальной жизни не существует. Субъективные переживания историка — главный инструмент познания. Исторические факты — факты познания. Важнейший инструмент познания в науках о духе (куда относится история) — «понимание» и интуиция. История имеет дело только с индивидуальным, конкретным, отдельным. Она ближе к поэзии, искусству и носит описательный характер. Представление В. Дильтея о противоположности «наук о духе» естественным наукам было развито Баденской школой неокантианцев, В. Виндельбандом и Г. Риккертом. Первый в лекции 1 мая 1894 года в Венском университете провел различие между науками номотетическими (открывающими законы) и идиографическими (описательными, изучающими единичное, особенное). Г. Риккерт считал главным методом естественных наук — генерализирующий, для истории — индивидуализирующий.

Главный метод, предложенный им, — отнесение фактов к ценностям. Всеобщие ценности, под которыми он понимал государство, искусство, религию, определяют значимость явления или факта. Предмет истории — культурная жизнь человека, история — наука эмпирическая, индивидуализирующая. Кстати, влияние Г. Риккерта было больше в России, чем в Германии, где преобладала концепция В. Дильтея.

Совершенно очевидно, что влияние этих подходов, правда в обновленном виде, сказывается и сегодня. Многие философы

Текст подлежит деконструкции. Вне текста ничего нет — нет эмпирического материала, исторического опыта. Историк может дать лишь описание своего взаимодействия с текстом. Всякая интерпретация и критика заведомо отвергаются, так как предполагают внеположенность исследователя тексту. Американский ученый Д. Лакэrp добавил соображение, что ничего не существует и в самом тексте. Как остроумно замечают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, «Утешает то, что большинство историков просто не понимает постмодернистского дискурса».

Но если дело ограничилось только этим, то это не вызвало бы столь резкого критического отношения историков. Дело в том, что постмодернисты выступили очень шумно с отрицанием «больших» нарративов, логоцентризма: идей рационализма, просвещения, прогресса. Даже пересмотрели статус науки, заменив его понятием «дискурса». Они поставили под вопрос профессию историка, наличие теории исторического познания, возможности познания объективной реальности. Историки не согласились с крайностями «новой волны», в частности, с утверждениями, что «ничего нет кроме текста», никакой «внеязыковой» реальности. Но влияние идей французских структуралистов и немецких философов-герменевтиков сказывалось, прежде всего, в американском литературоведении. Лидером направления среди историков США стал Хейден Вайт, написавший книгу «Метаистория. Историческое воображение в Европе Деятнадцатого столетия». На ее характеристике подробно остановимся в другой лекции.

Постепенно наметилось смягчение крайних позиций, историки стали искать рациональное зерно и использовать некоторые методы, в частности, в анализе исторических источников и нарратива. При этом они отвергают крайности, о

которых говорилось выше, не согласны с превращением истории в литературу. Кстати говоря, такое направление давно есть: исторический роман, успешно развивающийся более сотни лет. И не понятно, зачем нужно уничтожать историческую науку. Она не мешает литераторам писать об истории, а помогает.

Отвергая попытки свести историю к литературе, исторический опыт к тексту, а реальность к языку, историки ищут, по выражению Л. П. Репиной, «среднюю линию». Некоторые увидели возможность сменить социологический поворот на лингвистический, надеясь обновить подходы в истории. В истории развивался антропологический подход, и росло влияние социальной психологии и лингвистики (история ментальностей и культуры). В центре оказывался индивид, его частная жизнь. Историки используют новые подходы, не отказываясь от традиционных методов. Только практика исторических исследований, конкретные результаты покажут и достижения, и проблемы, которые сможет дать новый подход. Такова судьба всех новых направлений в истории, как правило, шумно о себе заявляющих, вызывающих на первых порах повальное увлечение со стороны молодых историков. Затем все входит в нормальное русло, часть новых подходов «усваивается», входит в арсенал исследовательских методов. Но мысль не стоит на месте, выдвигаются новые идеи — и в этом и есть развитие науки.

Разумеется, мы не охарактеризовали всех философских концепций, влиявших на методологические искания историков. Это и экзистенциализм с его вниманием к трагедии личности в обществе, истории переживаний субъекта, бессилия личности в водовороте событий, страхом смерти; неопозити-

визм с его анализом логической природы исторического знания. Наконец, вполне процветающая донныне религиозная философия истории, исповедующая провиденциализм, что сущность открывается только вере, и только «божественное откровение» дает возможность проникнуть в нее. Все эти и другие подходы оказывают влияние на многоликий мир историков. Если молодому историку придется столкнуться с влиянием этих идей в исторических работах, следует обратиться к соответствующей литературе, которой достаточно, чтобы оценить возможности этих подходов.

Лекция девятая. ОБЩЕНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Позитивисты считали, что научные методы едины для естественных и гуманитарных наук. Неокантианцы противопоставляли метод истории методу естественных наук. На деле все сложнее: есть общенаучные методы, применяемые во всех науках, и есть специфические методы той или иной конкретной науки или комплекса наук. Наиболее основательно в отечественной исторической литературе о применении общенаучных методов рассказал И. Ковальченко в своей книге о методах исторического исследования. Мы не будем характеризовать эти методы подробно с философской точки зрения, а покажем только специфику их применения в исторической науке.

Логический и исторический метод. В истории применяется синхрония — изучение объекта в пространстве как системы, их структуры и функций (логический метод) и изучение объектов во времени — диахрония (исторический метод). Оба метода могут выступать в чистом виде и в единстве. В итоге изучаем предмет в пространстве и во времени. Логический метод обеспечивается системным подходом и структурно-функциональным анализом.

Исторический метод реализует принцип историзма, о котором речь шла выше. Процесс развития изучается через анализ состояния объекта в разных временных срезах. Сначала анализ структуры и функций, затем исторический анализ. Нельзя разрывать эти два метода.

И. Ковальченко приводит пример. Если пользоваться только историческим методом, можно получить вывод, что в сельском хозяйстве России начала XX века господствовали полукрепостнические отношения. Но если добавить логически анализ — системно-структурный — получится, что господствовали буржуазные отношения.

Восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. И. Ковальченко считает этот метод важнейшим и определяющим. Конкретное — это объект познания во всем его богатстве и многообразии присущих ему черт. Абстрагирование — мысленное отвлечение от каких-то черт и свойств конкретного, при этом оно должно отражать существенные стороны реальности.

Восхождение от конкретного к абстрактному осуществляется тремя приемами. Посредством отвлечения (те или иные свойства рассматриваются в отрыве от других свойств объекта или выделяется совокупность признаков объекта и можно построить сущностно-содержательные и формально-количественные модели).

Второй прием — абстрагирование посредством *отождествления нетождественного*: объекту приписываются такие состояния и характеристики, которыми он не обладает. Применяется при различного рода классификациях и типологизации.

Третий прием — *идеализация* — формируется объект с определенными идеальными свойствами. Они присущи объекту, но не достаточно выражены. Это позволяет осуществить дедуктивно-интегральное моделирование. Абстрагирование помогает глубже понять сущность объекта.

Но чтобы понять сущность конкретных явлений, необходим второй этап — *восхождение от абстрактного к конкретному*.

Конкретно-теоретическое знание выступает в форме научных понятий, законов, теорий. Заслуга разработки такого метода принадлежит К. Марксу («Капитал»). Этот метод сложен и, по признанию И. Ковальченко, не получил широкого распространения.

Системный подход и системный анализ. Система — как уже отмечалось, целостная совокупность элементов реальности, взаимодействие которых приводит к возникновению новых интегративных качеств, не присущих образующим ее элементам. Каждая система имеет строение, структуру и функции. Компоненты системы — подсистемы и элементы. Общественные системы имеют сложное строение, которое и должен изучать историк. Системный подход помогает понять законы функционирования общественных систем. Ведущий метод — структурно-функциональный анализ.

Зарубежная наука накопила большой опыт применения системного анализа в истории. Отечественные исследователи отмечают следующие недостатки в применении новых методов. Часто игнорируется взаимодействие системы со средой. Основой всех общественных структур оказываются структуры подсознательно-ментальные, обладающие высокой устойчивостью, в итоге структура оказывается неизменной. Наконец, отрицается иерархичность структур, и общество оказывается неупорядоченной совокупностью замкнутых и неизменных структур. Тяготение к синхронному изучению в статике часто ведет к отказу от динамического диахронного анализа.

Индукция — дедукция. Индукция — исследование от единичного к общему. Дедукция — от общего к частному, единичному. Историк исследует факты и приходит к обобщенному понятию и, наоборот, применяет известные ему понятия для объяснения фактов. В каждом факте есть элементы общего. Вначале оно слито с единичным фактом, затем выделяется

как таковое. Ф. Бэкон считал именно индукцию основным методом, так как дедуктивные умозаключения часто бывают ошибочными. Историки в XIX веке применяли, в основном, индуктивный метод. Некоторые до сих пор с подозрением относятся к дедуктивному методу. Д. Элтон считает, что применение теорий не из эмпирического материала источников может нанести ущерб науке. Однако, эта крайняя точка зрения не разделяется большинством историков. Чтобы проникнуть в суть явлений, нужно использовать понятия и теории, в том числе из смежных наук. Индукция и дедукция органически связаны, дополняют друг друга.

Анализ и синтез. Также широко используются историками. Анализ это вычленение отдельных сторон объекта, разложение целого на отдельные элементы. Историк не может охватить в целом изучаемый им период или объект исследования. Изучив отдельные аспекты, факторы, историк должен соединить элементы знания, полученного об отдельных аспектах исторической действительности, и понятия, полученные в ходе анализа, соединяются в единое целое. Причем, синтез в истории — не простое механическое сложение отдельных элементов, он дает качественный скачок в понимании объекта исследования.

Идея «исторического синтеза» была разработана А. Берром. Он создал «Журнал исторического синтеза» в начале XX века и Международный центр синтеза, объединивший историков, социологов и представителей естественных и математических наук ряда стран. Он выступал за *культурно-исторический синтез*, за слияние истории и социологии, использование достижений психологии, антропологии. Примерно сотня монографий разных историков вышла в серии «Эволюция человечества. Коллективный синтез». В центре внимания — социальная и умственная

жизнь. Но приоритет отдается психологии. А. Берр, по сути дела, готовил возникновение «Школы Анналов», но последняя после Второй мировой войны пошла дальше него в поисках синтеза.

Каждое философское направление предлагало свою основу для синтеза, но пока перетасовывали факторы в позитивистском духе. В последнее время возникла идея синтеза на основе культуры в постмодернистском понимании. Следует подождать конкретных исторических работ в этом направлении.

Ясно одно, анализ и синтез неразрывно связаны. Успехи в анализе не будут значимы, если их не будет в синтезе. Синтез даст новый толчок анализу, а тот, в свою очередь, приведет к новому синтезу. Успехи в достижении синтеза есть, но носят частный и кратковременный характер, выдвигаются то материальные, то идеальные факторы в качестве определяющих, но единства среди историков нет. Чем масштабнее предмет исследования, тем сложнее получить синтез.

Моделирование. Это наиболее распространенная форма научной деятельности. Все науки используют модели для получения информации о моделируемом явлении, проверки гипотез и разработки теории. Используют этот прием и историки. Моделирование исторического явления осуществляется средствами логического конструирования — создаются мысленные модели содержательно-функционального плана. Моделирование связано с некоторым упрощением, идеализацией и абстрагированием. Оно позволяет проверить репрезентативность сведений источников, достоверность фактов, проверить гипотезы и теории. Этот метод используется на всех этапах исследования. Можно привести пример изучения общины. При создании ее модели используются данные социологии, права, психологии, учитывается ментальность. Это уже означает

применение междисциплинарного подхода. При этом надо помнить, что просто перенести модель из другой дисциплины нельзя, надо ее реконструировать с учетом концептуальных построений.

Существует математическое моделирование. Используются методы нелинейной динамики, математической теории хаоса, теории катастроф. Построение статистических моделей будет рассмотрено в разделе о математических методах в истории.

Интуиция. Хорошо известно, что ученые часто пользуются интуицией при решении научных проблем. Это неожиданно приходящее решение затем проверяется научными методами. В истории еще в конце XIX века В. Дильтей, отнеся историю к наукам о духе, в качестве главного метода понимания исторических событий считал интуицию историка. Но эта точка зрения не разделялась многими историками, так как уничтожала историю как науку, проповедуя крайний субъективизм. О какой истине можно было говорить, надеясь только на интуицию весьма различных по эрудированности и способностям историков. Нужны были объективные методы исследования.

Но это не означает, что интуиция не играет серьезной роли в научном исследовании. У историка она базируется на глубоком знании своего предмета, широкой эрудиции, умении вовремя применить тот или иной метод. Без знаний не «срабатывает» никакая интуиция. Но, безусловно, нужен талант, чтобы пришло «озарение». Это ускоряет работу историка, помогает создавать выдающиеся работы.

Лекция десятая. СПЕЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Они основаны на философских, общенаучных, являются основой методов конкретно-проблемных.

Историко-генетический и ретроспективный методы. Историко-генетический метод наиболее распространен. Направлен на последовательное раскрытие свойств, функций и изменений исторической реальности. По определению И. Ковальченко, по логической природе — это аналитический, индуктивный, по форме выражения информации — описательный. Он направлен на выявление причинно-следственных связей, на анализ возникновения (генезиса) тех или иных явлений и процессов. Исторические события показываются и в их индивидуальности, конкретности.

При применении этого метода возможны некоторые ошибки, если абсолютизировать его. Делая упор на изучение развития явлений и процессов, нельзя недооценивать устойчивости этих явлений и процессов. Далее, показывая индивидуальность и неповторимость событий, нельзя терять из виду общего. Следует избегать чистого эмпиризма.

Если *генетический* метод направлен из прошлого к настоящему, то *ретроспективный* — от настоящего к прошлому, от следствия к причине. По элементам сохранившегося прошлого можно реконструировать это прошлое. Идя в прошлое, можно уточнить этапы становления, формирования того явления, которые мы имеем в настоящем. То что при генетическом подходе может показаться случайным, при ретроспективном методе покажется предпосылкой более поздних

событий. В настоящем мы имеем более развитый объект по сравнению с предыдущими его формами и можем лучше понять процесс становления того или иного процесса. Мы видим перспективу развития явлений и процессов в прошлом, зная результат. Изучая годы, предшествующие французской революции XVIII века, мы получим определенные данные о назревании революции. Но если мы вернемся к этому периоду, уже зная, что произошло в ходе революции, мы узнаем более глубокие причины и предпосылки революции, которые проявились особенно четко в ходе самой революции. Увидим не отдельные факты и события, а связную закономерную цепь явлений, приведших закономерно к революции.

Синхронный, хронологический и диахронный методы. Синхронный метод ориентирован на изучение различных событий, происходивших в одно и то же время. Все явления в обществе взаимосвязаны, и этот метод, особенно часто применяемый при системном подходе, помогает эту связь раскрыть. И это позволит уточнить объяснение исторических событий, происходящих в том или ином регионе, проследить влияние экономических, политических, международных связей разных стран.

В отечественной литературе Б. Ф. Поршнев издал книгу, где показал систему государств в период английской революции середины XVII в. Однако по сей день этот подход развит в отечественной историографии слабо: преобладают хронологические истории отдельных стран. Только недавно предпринята попытка написать историю Европы не как сумму отдельных государств, а определенной системы государств, показать взаимовлияние и взаимосвязь событий.

Хронологический метод. Его применяет каждый историк — изучение последовательности исторических событий во времени (хронологии). Нельзя пропускать существенные

факты. Часто допускаются искажения истории, когда историки замалчивают факты, не укладывающиеся в схему.

Вариант этого метода — проблемно-хронологический, когда широкая тема расчленяется на ряд проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности событий.

Диахронный метод (или метод периодизации). Выделяются качественные особенности процессов во времени, моменты образования новых этапов, периодов, сравнивается состояние в начале и в конце периода, определяется общее направление развития. Чтобы выявлять качественные особенности периодов, нужно четко определить критерии периодизации, учесть объективные условия и сам процесс. Подменять один критерий другим нельзя. Иногда нельзя точно назвать год или месяц начала нового этапа — все грани в обществе подвижны и условны. Нельзя все уложить в строгие рамки, имеет место асинхронность событий и процессов, и историк должен это учитывать. Когда существует несколько критериев и различных схем, глубже познается исторический процесс.

Историко-сравнительный метод. Начали применять сравнительный метод еще просветители. Ф. Вольтер написал одну из первых всемирных историй, но сравнение использовал скорее как прием, чем метод. В конце XIX века этот метод стал популярным, особенно в социально-экономической истории (М. Ковалевский, Г. Маурер писали труды об общине). После Второй мировой войны особенно широко применялся компаративный метод. Практически ни одно историческое исследование не обходится без сравнения.

Собирая фактический материал, осмысливая и систематизируя факты, историк видит, что многие явления могут иметь сходное содержание, но разные формы проявления во времени и пространстве и, наоборот, иметь разное содержание, но

быть сходными по форме. Познавательное значение метода заключается в возможностях, открываемых им для понимания сущности явлений. Понять сущность можно по сходству и различию присущих явлениям характеристик. Логической основой метода является *аналогия*, когда на основе сходства одних признаков объекта делается вывод о сходстве других.

Метод позволяет раскрывать сущность явлений, когда она не очевидна, выявлять общее, повторяющееся, закономерное, делать обобщения, проводить исторические параллели. Следует соблюдать ряд требований. Сравнение должно осуществляться на конкретных фактах, которые отражают существенные признаки явлений, а не формальное сходство. Надо знать эпоху, типологию явлений. Можно сравнивать однотипные и разнотипные явления, на одной или разных стадиях развития. В одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходства, в другом — различий. Не следует забывать принцип историзма.

Но применение сравнительного метода имеет и некоторые ограничения. Он помогает понять многообразие реальности, но не специфику ее в конкретной форме. Сложно применять метод при изучении динамики исторического процесса. Формальное применение приводит к ошибкам, и суть многих явлений может быть искажена. Нужно использовать этот метод в комплексе с другими. К сожалению, часто используют только аналогию и сравнение, а метод, много содержательней и шире упомянутых приемов, применяется редко в полном виде.

Историко-типологический метод. Типология — разделение объектов или явлений на различные типы на основе существенных признаков, выявление однородных совокупностей объектов. И. Ковальченко считает типологический метод методом сущностного анализа. Такого результата не дает фор-

мальная описательная классификация, предлагавшаяся позитивистами. Субъективный подход привел к идее конструирования типов только в мышлении историка. М. Вебер вывел теорию «идеальных типов», долгое время не применявшуюся отечественными социологами, трактовавшими ее упрощенно. По сути дела, речь шла о моделировании, которое принято сейчас всеми исследователями.

Типы по И. Ковальченко выделяются на основе дедуктивного подхода и теоретического анализа. Выделяются типы и признаки, характеризующие качественную определенность. Тогда мы можем отнести объект к тому или иному типу. Все это И. Ковальченко иллюстрирует на примере типов русского крестьянского хозяйства. Такая подробная разработка метода типологии понадобилась И. Ковальченко для обоснования применения математических методов и ЭВМ. Этому посвящена значительная часть его книги о методах исторического исследования. Отсылаем читателя к этой книге.

Историко-системный метод. Этот метод был также разработан И. Ковальченко в связи с применением математических методов, моделирования в исторической науке. Метод исходит из того, что существуют общественно-исторические системы разного уровня. Основные компоненты реальности: индивидуальные и неповторимые явления, события, исторические ситуации и процессы, рассматриваются как общественные системы. Все они функционально связаны. Нужно вычленить исследуемую систему из иерархии систем. После выделения системы следует структурный анализ, определение взаимосвязи компонентов системы и их свойств. При этом используются логические и математические методы. Второй этап — функциональный анализ взаимодействия изучаемой системы с системами более высокого уровня (крестьянское хозяйство рассматривается как часть системы общественно-экономи-

ческих отношений и как подсистема капиталистического производства). Главную трудность создает многоуровневый характер общественных систем, переход от систем низшего уровня к более высоким системам (двор, селение, губерния). При анализе, например, крестьянского хозяйства агрегирование данных дает новые возможности уяснения сущности явлений. При этом используются все общенаучные и специально-исторические методы. Наибольший эффект метод дает при синхронном анализе, но остается нераскрытым процесс развития. Системно-структурный и функциональный анализ могут привести к чрезмерному абстрагированию и формализации, а иногда субъективному конструированию систем.

Мы назвали основные методы исторического исследования. Ни один из них не является универсальным и абсолютным. Нужно использовать их комплексно. Кроме того, оба исторических метода надо сочетать с общенаучными и философскими. Нужно использовать методы с учетом их возможностей и пределов — это поможет избежать ошибок и ложных выводов.

Лекция одиннадцатая. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИИ

Математизация и компьютеризация — магистральные пути развития научно-технической революции. Эти процессы характерны и для общественных и гуманитарных наук, в том числе истории. Информационный взрыв ставит ряд новых задач перед исследователями, в частности, использование новых информационных технологий. Расширяется источниковая основа исторической науки, обработка массовых источников требует математических методов. Растет дифференциация и специализация в науке, наряду с процессами интеграции. Комплексный междисциплинарный подход широко входит в практику, содействуя процессам интеграции и синтеза. Историки овладевают методами других общественных и гуманитарных наук. Математические методы помогают процессу интеграции науки. Системные методы анализа тяготеют к математизации. Практическая реализация этого достигается в связи с развитием электронной техники: ЭВМ и персональных компьютеров. Складывается новый стиль научного мышления, в том числе в истории.

Первые опыты применения математических методов в истории относятся к концу XIX — началу XX века. Историки занимались обработкой статистики при изучении социально-экономических процессов. Французский историк Ф. Симиан в начале 30-х годов XX века занимался изучением динамики заработной платы во Франции с конца XVIII века. Он ввел в критику источников элементы мате-

матической статистики. Устремления Ф. Симиана поддержал Ж. Лефевр и другие представители «Школы Анналов».

Новый этап в применении математических методов наступил после Второй мировой войны, в 50–60-е годы, после появления ЭВМ. Особенно активны были американские историки: в 1962 году ряд университетов и колледжей создали консорциум политических исследований, куда собирали данные по истории США. Появились «новая политическая», «новая социальная», «новая экономическая история», которые базировались на новых методах. Стали говорить о новой науке «клиометрии». Создавали базы данных, программы. Были достигнуты первые успехи. Имел место уникальный случай: двум клиометристам, Д. Норту и Г. Фогелю, была присуждена Нобелевская премия. Ни до ни после такой чести не удостоивался ни один историк.

Структуралисты выступили во многом пионерами применения этих методов. В то же время, сторонники «описательной» истории выступили против чрезмерного абстрагирования, обезличивания истории, ссылаясь на недостаток количественных данных в источниках.

Затем споры поутихли: клиометристы отказались от чрезмерных притязаний на превращение истории в математическую науку, свободную от исторического описания, а традиционно настроенные историки увидели в математических методах хорошее подспорье и использовали их при решении многих проблем.

В отечественной историографии ЭВМ стали применяться в исторических исследованиях с 60-х годов XX в. Пионером этого направления стал академик И. Ковальченко. В конце 60-х годов при отделении истории АН СССР была организована Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Создавались лаборатории,

проводились конференции, причем, не только в Москве. К 1992 году состоялось сотое заседание семинара по количественным методам, организованного Комиссией и МГУ. Математики активно участвовали в работе семинаров, школ, проводилась переподготовка историков. И. Ковальченко успокоил историков, заявив, что все выразить количественно нельзя и что повествовательные методы останутся в истории так же, как искусственные языки не заменят естественные. В то же время он призвал историков овладевать математическими методами, которые доказали свою эффективность в мировой науке. При этом главная проблема — адекватно применять математические методы, иначе это приведет к ошибкам, а чтобы избежать этого нужна математическая подготовка историков и помощь профессионалов-программистов.

Математические методы могут выявлять закономерности и тенденции в развитии массовых процессов. Многие экономические, социальные, политические процессы успешно изучаются математическими методами. Системный подход без применения математических методов не может быть глубоким. Типологическая классификация может быть только многомерной, нужны методы многомерного анализа.

Простое использование цифр, процентов и простейшей группировки данных, это еще не применение математических методов. Сейчас используются дисперсионный, корреляционный, факторный, кластерный анализ, элементы теории информации и дифференциальных уравнений, математическое моделирование.

Математические методы помогают определить роль различных факторов, причин тех или иных явлений, выявить основные факты, их сравнительную роль. Кроме того, эти мето-

ды позволяют решать гносеологические проблемы: проверить достоверность сведений источников, повысить информативную отдачу источника. Обработка массива данных «вручную» невозможна. Например, для материалов переписей населения применяются методы репрезентативной выборки. Выделить существенные признаки, «сжать» информацию можно только математическими методами. Наконец, эти методы позволяют уточнить понятийный аппарат науки, унифицировав ее язык. Существуют и другие задачи, решаемые лишь математическими методами.

Следует иметь в виду и границы применения этих методов, которые диктуются спецификой объекта и уровнем развития истории и математики. Нужно применять эти методы только, когда это необходимо и возможно. Все время разрабатываются методологические проблемы применения этих методов, есть огромная литература по этому вопросу у нас и за рубежом. Нужно все время сравнивать результаты с полученными традиционными методами. Требуется высокая математическая подготовка историка. Отметим, что, в целом, историки овладели этими методами, имеют ряд серьезных результатов в изучении российской истории, средневековой истории Европы и других проблем. Есть разработанные программы. Новый этап применения математических методов связан с появлением персональных компьютеров.

Математическое моделирование. Любая научная модель — это абстрагированное выражение сущности исследуемых явлений и процессов. В основе моделирования лежит теория подобия, модель выступает как приближенный аналог исследуемых явлений и процессов. Моделирование включает построение модели качественной и количественной (*сущностно-содержательной и формально-количественной*). Формально-количественная — это формализованное выражение

сущностно-содержательной модели. Наполнение ее конкретными данными и математическая обработка этих данных дают новую информацию об исследуемых явлениях. Истолкование этой информации проводится с помощью сущностно-содержательной модели и раскрывается при этом суть явлений.

Формально-количественные модели бывают двух видов: *отражательно-измерительные* (отражают реальные свойства явлений и процессов и выступают как их измеритель). Второй тип — *имитационные модели* — позволяют имитировать функционирование объекта. Оно правомерно лишь как альтернативное моделирование.

Отражательно-измерительные модели — это эффективный инструмент исследователя, позволяют понять внутренний механизм процессов, преодолевать трудности, связанные с отсутствием в источниках некоторых данных. Они позволяют установить количественную меру объектов моделирования и их свойств. Важным средством углубления познаний являются имитационно-альтернативные модели, которые помогают понять возможные тенденции и варианты развития. Возможна имитация альтернативных ситуаций и процессов.

Главное, нужно усвоить, что историк должен сам строить модели. Нельзя просто взять готовую модель, например, из социологии. Нужно ее приспособить к нуждам исторического исследования. Этот сложный процесс требует определенных знаний и навыков, но и эффективность его велика.

В 1984 году было издано пособие «Количественные методы в историческом исследовании». Там подробно охарактеризованы математические методы. Отсылаем читателя также к книге «Математические модели исторических процессов» (М., 1998).

Лекция двенадцатая. КОМПЬЮТЕР И ИСТОРИК. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА. ИНТЕРНЕТ

Процесс информатизации на рубеже 80–90-х годов затронул историческую науку. Компьютер появился на столе отечественных историков в начале 1988 года, лет на пять позже, чем на Западе. Постепенно росло число компьютеров, они совершенствовались, как и их программное обеспечение. Сначала историки освоили компьютер как незаменимое средство для редактирования и печатания научных работ. Затем как инструмент для реализации новых методик работы с источниками. Сканер позволил ввести в память компьютера тексты или изобразительные материалы. Появились оптические диски с огромной памятью. В архивах историки рационализировали труд с помощью «ноутбука», заносили записи в персональную базу данных, стали создаваться большие базы данных из массовых исторических источников. В конце 80-х годов базы данных за рубежом включали сведения о сотнях тысяч биографий. Всего, к концу 90-х годов в разных странах функционировало более 20 крупных банков данных в области историко-социальных исследований.

Быстрому процессу информатизации исторических исследований способствовала и «электронная почта», неизмеримо возросли возможности у коммуникации с доступом к глобальной сети «Интернет» с ее огромными информационными возможностями. Студенты и преподаватели многих вузов нашей страны получили доступ в Интернет и используют его для подготовки дипломных работ и диссертаций.

В 1986 году была создана Международная ассоциация «Историк и компьютер» (АНС). Она имеет более 20 национальных и региональных «ветвей». С 1992 года в ее состав вошла подобная ассоциация, объединившая историков СНГ. Термин «историческая информатика» получил распространение у нас в начале 90-х годов. Эта дисциплина, как и везде, сформировалась в недрах «клиометрии». Повысился интерес к базам данных и компьютерным технологиям анализа исторических источников.

Л. И. Бородин дает такое определение исторической информатике: научная дисциплина, изучающая закономерности процесса информатизации исторической науки и образования; это совокупность теоретических и прикладных знаний, необходимых для создания и использования электронных версий исторических источников всех видов. Теоретическая основа — современная концепция информации и теоретическое источниковедение, а прикладная — компьютерные технологии. В сфере ее интересов — специализированное программное обеспечение, создание исторических баз и банков данных, применение информационных технологий представления данных и анализ структурированных, текстовых, изобразительных и других источников, компьютерное моделирование исторических процессов, использование Интернета, развитие и применение средств мультимедиа и, наконец, применение информационных технологий в образовании.

Есть группа разработчиков соответствующих алгоритмов, программ и технологий для анализа источников. Вторая группа — квалифицированные пользователи новых технологий и программ: они внедряют их в практику исследований. И, наконец, — основная масса историков, решивших применять новые технологии. Схема такова: создается исследовательский проект, корпус изучаемых источников вводится в компьютер, затем

проводится комплексный анализ с использованием специалистов по исторической информатике, а затем проводится интерпретация результатов с участием специалистов-историков. Использовать новые подходы сложнее, чем разработать. Но подготовка специалистов необходима, так как историческая информатика стала органической составляющей исторической науки, «новым языком исторических исследований». Как сказал один из крупных специалистов, английский историк П. Денли: «важно не то, что мы можем быстрее и эффективнее проводить исследования, мы можем делать новое и мы можем делать старое по-другому».

Современные тенденции в развитии исторической информатики, размах исследований ясно продемонстрировала состоявшаяся в 1996 году в Москве XI ежегодная конференция Международной ассоциации «История и компьютер», в ней участвовали 150 специалистов из 22 стран. Было представлено 110 докладов на 20 секциях. В нашей стране подобные исследования ведутся в Москве и Санкт-Петербурге.

Приведем лишь некоторые конкретные примеры достижений в этой области, о которых было доложено на конференции. В Геттингене (ФРГ) более 50 тысяч документов из местного архива занесено на оптические диски, причем, историк получил возможность «листать» документы на экране компьютера, качество изображения таково, что можно изучать палеографические тонкости средневековых рукописей. Был представлен доклад из Австрии о создании электронного архива по изобразительным материалам, характеризующим повседневную жизнь средневековой Европы.

На конференции, как и раньше, уделялось много внимания традиционным темам: базы данных и электронные тексты. Причем, докладывались результаты исследования конкрет-

ных тем (городская элита Бристоля в XIX веке). Были доклады о системе «Просис» и «Диктум» по работе с текстовыми источниками.

Широко представлены новые методы и компьютерные технологии в исследованиях по экономической и социальной истории, исторической демографии и истории крестьянского хозяйства. Тематика широка: от анализа приходских книг Голландии XVII века до ревизских сказок Поволжья XIX века. Особое внимание уделялось моделированию. «Моделирование источника — моделирование истории». Особенно успешно моделирование экономической истории — клиометристы продвигаются вперед во всех странах (проблемы реформ, переходных периодов, альтернатив развития). Была представлена работа по моделированию социальных конфликтов на основе математической теории хаоса (Л. И. Бородкин и другие).

На пленарном заседании ставилась проблема выхода на аналитический уровень, не замыкаться на источниковедении. Затрагивались методологические проблемы соотношения сциентистских и постмодернистских тенденций, нарративистского и квантативного подхода. Подчеркивалась необходимость сотрудничества историков разных стран между собой и специалистов по информатике.

В целом историческая информатика прошла стадию становления, идут процессы дифференциации и интеграции различных подходов и школ. Наибольшие успехи достигнуты в Великобритании, Нидерландах, скандинавских странах, в России. Разумеется, требуется подготовка кадров в этой отрасли знания, расширение материальной базы и издание в нашей стране специального журнала, подобного издающемуся за рубежом «История и компьютер».

Историк и Интернет. В глобальной компьютерной сети Интернет можно найти тысячи электронных копий архивных документов, источников, в том числе, уникальных. Существуют электронные журналы исторического профиля, проводятся «круглые столы» по актуальным научным проблемам. Добавим к этому доступ к электронным каталогам библиотек мира, информацию о новой литературе по истории, и будет ясно, что Интернет становится источником профессиональной информации для историков. Особое значение это имеет для историков, изучающих историю зарубежных стран, — они могут найти массу материалов, не доступных ранее и которые можно было получить, лишь добившись командировки в ту или иную страну. Конечно, воспользоваться этими новыми возможностями пока все не могут: не все историки имеют доступ в Интернет — не позволяют технические возможности. Но прогресс идет быстро, и перспектива здесь ясна.

Значительно более актуальна подготовка исследователя к использованию Интернета. Иногда не могут найти нужных материалов не потому, что их нет, а потому, что нужно знать и уметь пользоваться системой Интернета. Некоторые студенты не могут найти литературу в обычном каталоге библиотеки, не зная ее структуры: что же удивляться, что они не могут извлечь информацию из Интернета без соответствующей подготовки и опыта.

Проблемы, встающие перед отечественными исследователями, обсуждены на «круглом столе», материалы которого опубликованы во втором номере журнала «Новая и новейшая история» 2001 года под названием «Историк. Источник. Интернет». Участники дискуссии пришли к выводу о необходимости выработать единые подходы к максимальному использованию возможностей Интернета. Трудности, которые ис

пытаются пользователи — не в сбоях компьютеров (хотя это бывает), а в самих пользователях, которые должны усвоить правила игры.

Первая проблема — пользователи не всегда снимают нужную информацию с электронных каталогов библиотек, подключенных к Интернет. И дело даже не в том, что не все отечественные библиотеки перевели в электронную форму свои каталоги и не могут дать полной информации. Сама система поиска по «ключевым словам» не освоена ни теми, кто эти электронные каталоги составлял, ни теми, кто ими пользуется. Если не знать набора «ключевых слов» и не уметь в теме поиска указать всех относящихся к теме «слов», то и информация будет не полной. Поэтому не следует забывать обычные каталоги библиотек, тех систем поиска литературы и источников, которые разработаны в курсе исторической библиографии, системы прекрасных библиографических указателей, которые изданы у нас и за рубежом, хотя, безусловно, поиск новых поступлений в библиотеку удобнее вести по электронному каталогу

Вторая проблема. В Интернете можно пойти публикации источников. Но иногда нет данных, откуда взят текст. Здесь нужно быть внимательным. Историк обычно цитирует источник по оригиналу или первому изданию. На Западе иногда воспроизводят источник в факсимильном варианте. Но если нет уверенности в идентичности источника, лучше найти его в обычном варианте. Встает проблема и цитирования, так как иногда нет нумерации страниц — здесь выход либо нумеровать абзацы, либо воспроизводить страницы источника. Следует иметь в виду, что сайт может изменить адрес и исчезнуть совсем.

Третье. Появились электронные исторические журналы. Есть солидные, но есть, как и раньше, публикации слабые: издатели не требуют рецензий специалистов при публикации статей. Можно ли считать их полноценными публикациями и ссылаться на них и как при этом можно оформить сноски (если нет нумерации страниц). И, наконец, сколько эти журналы будут храниться на сайте. Может быть, целесообразно записывать эти журналы на диски и хранить в библиотеке — иначе материалы будут утрачены. Можно практиковать время от времени издание лучших статей в обычном варианте. Все эти, как и другие, проблемы ждут своего решения. Но это болезни роста: историку нужно осваивать современные информационные технологии — это изменит и информационное обеспечение труда историка и, возможно, содержание и форму самого исторического нарратива.

Как ни трудно овладевать техникой, делать это необходимо. Уже сейчас во многих дипломных работах студентов, не говоря о диссертациях аспирантов, использованы материалы, почерпнутые в Интернете. Чем профессиональнее подготовлен пользователь, тем эффективнее результаты работы с информационной сетью.

Лекция тринадцатая. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Как показали И. М. Савельева и А. В. Полетаев в своей книге «История и время», история всегда взаимодействовала с другими областями знания. В эпоху античности и средних веков — с мифологией, религией, литературой, в эпоху Возрождения — с географией, искусством, политической теорией, в XVII — XIX веках — с политикой, географией, литературой и культурой. В первой половине XIX века — с философией. Затем с лингвистикой, археологией. В настоящее время масштабы междисциплинарного подхода расширились. Взаимодействие с другими социальными науками проявляется в общности предмета и методов исследования. Ходя историк всегда должен делать поправку на разницы эпох, исследуемых историками и обществоведами, изучающими современность. Модели и теории должны приспосабливаться историком к изучаемой эпохе — механическое применение невозможно, не даст положительных результатов.

История и социология. Взаимоотношения этих наук складывались непросто. Социология возникла в XIX веке, и основоположником ее был О. Конт. Позитивисты не противопоставляли социологию истории (обе давали позитивное знание). Марксисты также не противопоставляли историю социологии. Зато традиционный немецкий историзм и неокантианцы противопоставили эти науки, выступая за то, что история изучает единичные, неповторимые явления, а социология — абстрактная наука.

Однако «социологическое» направление в историографии во Франции появилось в начале XX века (А. Берр с его теорией «исторического синтеза»). Затем новый импульс в межвоенный период придала «Школа Анналов». Традиционные сюжеты, связанные с историей государства, права, политических учреждений, она дополнила изучением естественной среды, материального производства, народонаселения и миграции, социальной структуры и ментальности. При этом, она выступила за широкое применение сравнительного метода, так как считала узкими национальные рамки. Ф. Бродель выступил за объединение усилий в области социальных наук, и сам подал пример, сломав барьер между историей и социологией. Он считал, что историк должен следить за развитием всех наук о человеке.

В США после Второй мировой войны большую активность проявили социологи, предлагая историкам свои методы. Историки сопротивлялись, боясь потерять предмет своей науки. Но постепенно возобладала точка зрения, что можно использовать некоторые методы социологии, но осторожно, не абсолютизируя их. По сути, была продолжена традиция Ч. Бирда и Д. Тернера, но на новой основе. Усваивая новейшие подходы эмпирической социологии, историки использовали и социологические теории.

Наиболее упорно сопротивлялись сближению с социологией историки ФРГ, где еще силен традиционный историзм, но и здесь появилась «социальная история». Все это говорит о закономерности сближения истории и социологии на современном этапе.

В отечественной историографии в советский период исторический материализм считался социологией, теорией и методом исторической науки (теория общественно-экономических формаций и классовой борьбы). Эмпирическая социология во

обще не развивалась. Лишь в 60-е годы XX века в связи с применением математических методов стали серьезно относиться к достижениям зарубежной социологии. К этому времени и отечественная социология имела некоторые достижения. В 1984 году появилась книга ленинградского историка Б. Н. Миронова «Историк и социология», где были охарактеризованы возможности, открываемые перед историками социологическими понятиями, категориями, методами моделирования.

Взаимоотношения истории и социологии — это взаимоотношения конкретного и абстрактного, исторического и логического. Если историку важны конкретные факты, то для социолога — общая картина, логическая связь явлений. Без усвоения некоторых понятий, социологических концепций историку трудно изучать структуры и процессы. При исследовании массовых социально-экономических процессов, глубинных структур может пригодиться помощь социологов. Мысленный эксперимент и дедуктивное рассуждение, извлечение скрытой информации из источника — подспорье для историка. Социология помогает преодолеть предубеждение историка против гипотезы, системного анализа, формализации программы научного поиска. Без формализации нет научного статуса сегодня. Однако нужно помнить, что просто перенести понятия и методы социологии, ориентированные на изучение современности, на прошлое — значит совершить грубую ошибку, забыть принцип историзма. В этом сложность применения понятий и методов социологии в истории.

Б. Н. Миронов приводит примеры использования историками понятий «социальная группа» (малая, первичная, неформальная, формальная, временная и постоянная), «социальная мобильность» (вертикальная и горизонтальная). В книге дан

пример анализа русской поземельной общины с помощью социологических методов: системный анализ помог выявить общие, повторяющиеся, типичные закономерные черты в структуре и функциях общины. Была построена модель общины, которая вобрала наиболее характерные черты общины как социальной организации. Не все элементы структуры и функции прослеживаются в источниках. Модель позволяет объяснить связи и свойства общины, реконструировать конкретные общины, по которым мало сведений сохранилось, выявить новые аспекты и качества общины (скрытая информация). В итоге мы изучили общину как устойчивую систему: формальные и неформальные структуры, социальный контроль и общественное мнение, соотношение личности и группы, ролевую структуру лидеров, мобильность и т. д.

Социологический подход не подменяет, а углубляет исторический подход. Причем, он основывается на фактах, извлеченных из источников.

Для извлечения скрытой информации источника применяется *контент-анализ*. Он позволяет переводить в количественные показатели массовую текстовую информацию: содержание пословиц, сказок, загадок, анкет, трактатов, газет и журналов, устный и письменный словарь отдельных людей и групп.

Анализ осуществляется с помощью стандартизированных процедур, причем, существенно снижается субъективизм в интерпретации текста. Контент-анализ проходит три стадии: расчленение текста на отдельные смысловые единицы, определение их значения и взаимосвязей, и проводится исторический качественный анализ. Второй этап — подсчет частоты употребления смысловых единиц. Это количественный этап. Третий этап — интерпретация результатов анализа текста — опять качественный анализ. Анализ текста по содержанию

помогает понять скрытое содержание текста, его подтекст. Анализ листовок периода Гражданской войны позволил автору выделить основные темы (анализировалось около 6 тыс. листовок). В итоге получилось 22 таблицы. По анализу прессы можно выяснить интересы, ценности той или иной группы населения. Можно обобщать письма читателей в газеты, журналы. Это лишь некоторые примеры использования историками методов прикладной социологии.

Историки используют и теории разного уровня, разрабатываемые социологами и для объяснения происходивших в истории процессов и событий (например, теория общественно-экономических формаций, цивилизационная теория, бихевиористские концепции и т. д.). По сути дела, историк следит постоянно за разработками социологов и сразу «пробует» применить их в исторической науке. Поэтому не только прикладная, но теоретическая социология оказывается полезной историку.

Результатом интеграции истории и социологии явилось формирование *новой социальной истории*, которая заняла ведущие позиции в послевоенный период. Это была мощная многоплановая отрасль исторической науки, которая непрерывно развивалась, уточнялся ее предмет, менялись методы. Весь сложный комплекс проблем социальной истории изучен в фундаментальной книге Л. П. Репиной «Новая историческая наука и социальная история», вышедшей в 1998 году. «Новая социальная история» выдвинула задачи интерпретации исторического прошлого в терминах социальности, показывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп, личностей и отношений между ними.

Эта дисциплина сформировалась в 60-е годы, когда начался «золотой век» междисциплинарного подхода, интеграции науки. Появились работы по истории города, урбанизации с

точки зрения социально-экономической, социально-политической и социокультурной, сложился комплексный подход. Изучили индивида и среду. Социальная история сделала своим предметом микроструктуры: семью, общину, приход, различного рода корпорации. Получилась более сложная картина, взгляд на общество как целостность, сложную систему (отход от факторного анализа).

Новое направление социальной истории придали подходы, пришедшие из антропологии и социальной психологии в середине 70-х — начале 80-х годов. Интерес историков сдвигается от исследования объективных процессов и структур к культуре в ее антропологической интерпретации, к реальному содержанию обыденного сознания людей прошлых эпох, ментальности, символам, обычаям и ценностям, стереотипам восприятия и моделям поведения. Изучается точка зрения современников исторических событий.

Новая парадигма социальной истории включила в свой предмет человеческое сознание. Социальная история освоила культурно-антропологический ракурс исследования, наполнив социальную историю человеческим содержанием. Поведение людей во многом объясняется картиной мира, навязанной им культурой. В результате влияния методов прикладной социологии стали изучать историю семьи, преступности, образования, досуга, детства, сексуальности и т. д. Изучалась история снизу: рабочая история, история женщин, крестьянство, региональная история. Э. Хобсбоум в 1971 году предложил сочетать структурный и социокультурный подход и понимать социальную историю как историю общества, а ментальность понимал как связь разных систем мышления и поведения, соответствующих образу жизни. Ж. Дюби предлагал соотносить ментальность с объективными условиями. П. Берк в 1980 году предлагал изучать исто-

рию общественных отношений, социальные структуры, повседневную жизнь, частную жизнь, социальные общности и конфликты, классы, социальные группы. Э. Бриггс считал, что социальная история должна быть всеобъемлющей, изучать простых людей, не забывая власть предрешающих (1983 г.). Итак, по-разному понимали предмет социальной истории. В то же время нарастала критика механического заимствования методов социологии, моделей и концепций. В 80-е годы была осознана необходимость внести историчность в учение о ментальности. В 80-е годы возникла идея объединить социальную и культурную антропологию, чтобы получить синтез.

История женщин сменилась гендерной историей, изучавшей социальный контроль и культурные традиции полов. Отметим школу «народной культуры» в Великобритании в 70-80-е годы, отразившую духовную жизнь простых людей. Был введен в оборот огромный материал нетрадиционных источников. Создавалась история «снизу». Особое значение приобрела в Великобритании локальная история (история отдельных деревень и приходов в средние века). Изучались индивид и социальная среда.

Встала проблема интеграции локальных исследований в национальную историю - синтеза микроистории и макроистории. Отметим огромное разнообразие подходов, концепций, дифференциацию и интеграцию. Мы видим беспрерывно развивающуюся творческую работу историков, прокладывающих новые пути.

Мы изложили здесь подход Л. Репиной и считаем убедительным ее тезис о ведущей роли социальной истории в «новой» исторической науке.

История и психология. Историки всегда хотели проникнуть в тайные цели и подсознательные стремления тех или иных

исторических деятелей или масс населения, хотели понять эмоции деятелей искусства и современной им аудитории. Отдельные экскурсы в психологию мы видим уже у историков древнего мира, но только с XVIII века историки пытаются понять внутренний мир человека. Французский историк XIX века Ж. Мишле написал историю сознания французов за тысячу лет их существования. Он продолжил традиции просветителей. С конца XIX века психология была признана наукой, возникла экспериментальная психология и психиатрия, в 80-е годы появился термин «бессознательное». Во Франции и Германии пытались слить историю и психологию (Л. Февр и В. Дильтей), правда, понимали психологию по-разному и отвергали З. Фрейда. В. Дильтея интересовали великие творческие личности, индивидуальный психологический мир его героев. Книга Л. Февра «Рабле» - эталон школы психологической истории. Автор показал психическую структуру XVI века, новые пласты культуры. Работа была новаторской и показала, что новое направление перспективно. Л. Февр видел и сложности — нельзя приписывать другим эпохам современные формы чувства.

После Второй мировой войны можно говорить о вторжении психоанализа в его фрейдистском и неопрейдистском вариантах в историческую науку Запада, особенно в США. В 60-е годы появилась «психоистория». Клинические «истории» психоанализа предоставили историкам возможность раскрыть внутреннюю жизнь человека. Сам З. Фрейд написал очерки о Леонардо, Ф. Достоевском. Эти опусы были подвергнуты критике за неточности, но аналитический метод был принят, и появилось много психобиографий. Стали применять этот метод к изучению крупных исторических фигур, государственных деятелей. Э. Эриксон выделил восемь стадий развития человечества (психологическую мо-

дель). Но она оспаривается многими историками. В биографиях М. Лютера и М. Ганди Э. Эрикссон обнаружил мотивы их действий — в потребности сыновей опередить своих отцов, чтобы компенсировать их жизненные неудачи. Намечает общие черты гениев — предчувствие проклятия, лежащего на них, привязанность к отцу, чувство избранности, предназначения, чувства слабости, робости и собственной неполноценности, раннее развитие интересов. Эта типология гениев не была принята безоговорочно историками.

Историк, безусловно, должен быть в курсе новейших психологических концепций и усваивать психологический язык своего времени. Использование психологии углубляет наши представления, причем не только о личности, но психологии масс (роль толпы в революциях, общественных движениях и т. д.). Применение психологии дополняет новыми красками исторические описания, расширяет круг источников, применяются новые более тонкие методы их анализа. Понимание прошлого становится более глубоким. В то же время историк не должен заблудиться в джунглях психологизма, должен помнить предмет исследования. В отечественной историографии психоанализ не получил широкого распространения. Но есть интерес и успехи в изучении социально-исторической психологии, в частности, русского крестьянства. Анализируются мифологический, традиционный и урбанистический уровни сознания. Есть успех и в изучении *менталитета* крестьянства.

История и культурная антропология. В центре культурной антропологии человек с его опытом, менталитетом, образом поведения, обусловленным культурой. Антропология концентрирует внимание на смысле ритуалов и символов, определяющих поведение человека. Работы антропологов развивают концепцию культуры как символического мира: задача

— познать «иную», «чужую» культуру той или иной эпохи. Материалы судов инквизиции пролили свет на ментальность средневековой эпохи. Карнавалы, праздники дают много для понимания народной культуры. Историки изучают взаимодействие, взаимовлияние культур. Это одно из наиболее разрабатываемых направления в современной отечественной историографии, особенно в плане взаимодействия культур Запада и Востока, России и Запада и т. д.

История и литература. Семиотика. В течение нескольких столетий история и литература существовали в неразрывном единстве. В античном мире представители исторической школы были близки к литературе (Тацит, Ливий). В начале XIX века историки работали в немецких университетах на кафедре литературы. Начало отделению истории от литературы положила эпоха Ренессанса (эрудитская школа), и завершился этот процесс во второй половине XIX века. В начале XIX века появились исторические романы А. Дюма, В. Гюго, В. Скотта. Литературное влияние было велико в работах романтиков. Стил был для них методом познания. Т. Маколей, русские историки В. Ключевский, Е. Тарле были мастерами исторической прозы. Но постепенно укреплялась научная сторона в их творчестве. Во второй половине XIX века сложилась историческая наука. Окончательно отделилась история от литературы. За литераторами осталось право писать исторические романы. История стала формой научного знания, а литература принадлежностью культуры. Напомним, что XIX век — век истории. В Европе шел процесс становления национальных государств, и необходимо было историческое обоснование, найти «корни» нации. Одними легендами обойтись было нельзя, потребовалась наука. Возникли научные общества, журналы. В XX век литература и история вступили раздельно.

В конце XX века наблюдалось стремление, во всяком случае, со стороны постмодернистов, вернуть историю опять в лоно литературы. Филологи и философы считали, что метафора может объединить историю и литературу. Х. Вайт начал свою книгу «Метаистория» с главы «Поэтика истории». Высказывалась идея превратить сухой тяжелый язык, доступный узкому кругу лиц, в историческую прозу, труд историка - в разновидность литературного труда, а историческое познание - в форму эстетического освоения мира. Историк должен отказаться от своей науки, принять новую форму «дискурса», предусматривающего различные ракурсы рассмотрения объекта. Стил становится методом исследования и написания истории. Риторика оказывается важнее источника и фактов. Историк должен отказаться от написания истории «как это было» и от попыток судить прошлое. Важнее всего интонация. Все время постмодернисты цитируют Х. Борхеса, что «Всемирная история - это история различной интонации при произнесении некоторых метафор».

Разумеется, историки не могут принять эти постулаты. Все, что требуют постмодернисты, реализовано в исторических романах. Что касается историков, они, действительно, должны больше внимания уделять нарративу, повышать его познавательные функции и совершенствовать литературное мастерство. И сейчас историк уделяет внимание эстетической стороне исторического процесса. Но всегда историки и писатели будут отличаться только одним - историк не имеет права на вымысел, а писатель может давать волю своему творческому воображению.

Это не означает, что историки просто игнорируют лингвистическую революцию. Они берут все ценное у постструктуралистов и используют при исследовании интеллектуальной и культурной истории. Постмодернисты верно

указали многие пробелы в историческом познании, и историки будут пытаться разрешить их.

Семиотика и история. Семиотический подход к истории стал заметным после лингвистической революции 70-х годов, после известных работ Р. Барта, отечественных исследователей Ю. Лотмана и Б. Успенского. Мы не сможем даже упомянуть о многих работах филологов по семиотике. Остановимся лишь на работах Б. Успенского. В самом общем виде охарактеризуем семиотический подход, предложенный лингвистами и культурологами. Думается, это бесполезно, особенно для историков, изучающих историю культуры. Б. Успенский, прежде всего, лингвист и рассматривает язык не только как систему коммуникаций между людьми, а как систему коммуникации между человеком и окружающей его действительностью. Культура понимается в семиотическом смысле — как система отношений между человеком и окружающим миром, которая регламентирует поведение человека, та же система отношений определяет то, как человек моделирует мир и самого себя. Язык моделирует и мир и воспринимающего его человека.

Семиотика — наука о знаках. Но знак может рассматриваться сам по себе, а может рассматриваться в системе коммуникации. Система знаков, выступающая как средство коммуникации, и есть язык. Б. Успенский выделяет семиотику знака и семиотику языка как знаковой системы. Есть два направления в семиотике — логическое и лингвистическое. В одном случае внимание сосредоточено на изолированном знаке, на отношении знака к значению, другим знакам, семантике знака и его структуре, на символическом знаке, процессе превращения незнака в знак. В другом подходе — язык изучается как механизм передачи информации.

Далее Б. Успенский задается целью показать, что такое история. Возможны различные виды объяснений исторических событий, различная интерпретация: наряду с государственно-политической, социально-экономической возможна и *культурно-семиотическая*. Разнообразные объяснения не отрицают, а дополняют друг друга — все объяснения могут сойтись в одной точке и привести к одному результату.

Культурно-семиотический подход апеллирует к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимо то, что значимо с их точки зрения. Речь идет о реконструкции субъективных мотивов тех или иных действий. Наши действия обусловлены нашими представлениями о событиях и их связях. Поэтому надо реконструировать *систему представлений*. В семиотической перспективе исторический процесс представлен как процесс коммуникации, когда поступающая информация обуславливает реакцию социума.

Исторический процесс — коммуникация между социумом и индивидом, социумом и внешними силами (богом и т. д.). Важно как осмысливаются события, какое значение им приписывается в общественном сознании. С этой точки зрения важен не *объективный смысл событий*, а то, как они *воспринимаются*. Восприятие событий как значимых — ключевой фактор: осмысление событийного текста предопределяет дальнейшее развитие событий. Исторический процесс — порождение новых фраз на некотором «языке» и прочтения социумом. Адресат дает свою интерпретацию текста. Соответствующий язык объединяет социум и то, что не описывается на этом языке, выпадает из поля зрения, не воспринимается адресатом. Одни и те же объективные факты могут интерпретироваться по-разному на разных «языках». То, что значимо для одной эпохи и данного культурного ареала, может не иметь значения в системе пред-

ставлений «иного». Именно система *представлений «адресата»* определяет механизм разворачивания событий. Это и есть коммуникативная модель исторического процесса. Знак предстает как производное, его семиотический статус определяется его местом в системе «языка».

Историк выделяет события как значимые в истории, придает им значение исторического факта — это заставляет увидеть в перспективе предшествующие события как связанные друг с другом. Происходит отбор событий, отложившихся в коллективной памяти. Семиотически отмеченные события позволяют выстроить исторический ряд.

Автор рассматривает прошлое как текст, прочитываемый в перспективе настоящего. Явления прошлого предстают как знаки иного бытия, но воспринимаемого в заданной перспективе. История — *семиотическое восприятие прошлого*.

Что касается общефилософского подхода, то он спорен в некоторых аспектах (история — текст и т. д.). Но результаты, достигнутые этим направлением в конкретно-историческом плане, интересны (о Петре I, о харизме власти в России, о самозванстве) и привлекут внимание историков культуры. Все, что расширяет кругозор историка, должно включаться в исследование: надо включать и результаты, достигнутые филологами и использовать их методы, если это целесообразно.

В отечественном литературоведении в последние годы появилось направление «новый историзм». Как отмечает А. Эткинд, это не социальная история, он не совпадает с семиотикой и не исчерпывается деконструкцией. В нем три методологических компонента. Первый — интертекстуальный анализ, связывающий текст с предшествующими и последующими. Второй — дискурсивный анализ, рассматривающий прошлое как единый многоструйный поток текстов. Третий —

биографический анализ — жизнь, которая проходит. Методология спрятана внутри интерпретации: идеи автора сопоставляются с его жизнью, теорией и практикой.

В отличие от деконструкции «новый историзм» ищет не логические противоречия, а воплощение ситуативных проблем автора и его времени. Новый историзм буквально понимает поэтические тропы, деметафоризирует текст. Под дискурсом понимается любая культурная и текстуальная практика. Разные области циркуляции текстов не отделены друг от друга. Сейчас идет реабилитация историзма и психологизма, реалистической идеи, что в текстах отражается жизнь. Биография остается самым популярным жанром.

В этих подходах преодолеваются крайности постмодернизма. Этого и следовало ожидать. Мода прошла, и приходится выходить из тупиков, им порожденных. Филологи возвращаются (те, которые ушли) к историзму. Подробно о «новом историзме» смотри «Новое литературное обозрение» (Вып. 35 и 42).

История и естественные науки. Синергетика, теория хаоса. В результате изучения сложноорганизованных систем, способных к самоорганизации, складывается новый язык науки, новая базовая модель мира и познания. К началу 70-х годов появилось новое научное направление — синергетика — наука о самоорганизации. Она изучает сложные системы в условиях неустойчивого равновесия или динамику их самоорганизации вблизи точек *бифуркации*, где малое воздействие оказывается значительным и непредсказуемым для поведения системы в целом. Синергетика рассматривается как инструмент междисциплинарного и даже наддисциплинарного подхода. Хабсология как отрасль синергетики имеет своим предметом крайние случаи неравновесности систем или области с

сильными колебаниями и случайностями. С 70–80-х годов этот подход проникает в социально-гуманитарное знание.

Эта теория наносит удар по стадияльно-линейным моделям истории, утверждая идею *альтернативности*, предполагающую выбор. Следует отметить, что физики и философы интенсивно развивают теорию хаоса, но она вызывает много вопросов, без решения которых историк не сможет ею пользоваться. Само понятие «хаос» метафорично и неопределенно. Кроме того, академик Н. Моисеев заявил о неприменимости этого понятия для систем с управленческой деятельностью. Невозможно использовать терминологию синергетики и хаосологии для конструирования современной картины мира. И. Пригожин видел специфику социальных объектов. Наконец, социальные системы это идеальные модели, и они не тождественны реальным объектам.

М. А. Чешков в статье «Синергетика: за и против хаоса (замечки о науке эпохи Глобальной смуты)» (Общественные науки и современность. 1999. №6) пытается применить теорию хаоса к изучению социальных систем, например, к России, и делает вывод, что нельзя представление о хаосе в одном социуме переносить на весь мир и человечество. Пока не ясно, что конкретно дает историку применение теории хаоса, но следить за развитием обсуждения этой теории необходимо, если мы хотим быть на уровне современной науки. Хотя некоторые крайние заявления о конце мифа о всемогуществе науки, о глобальной смуте – явно преувеличены. В обществе иногда возникают периоды переосмысления, ломки устоявшихся стереотипов и парадигм. Но паниковать, стремиться зачеркивать все, что создано, не следует, придет время, и апокалиптические заявления уйдут в прошлое, а наука, в том числе, история, будет успешно развиваться далее.

Лекция четырнадцатая. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

I этап. *Выбор объекта и постановка исследовательской задачи.*

Каждое историческое исследование имеет свой объект: событие, деятельность человека, процессы. Всю историческую реальность охватить не под силу отдельному историку и даже многим. Поэтому надо определить исследовательскую задачу, направленную на решение научной проблемы. Проблема выделяет неизвестное в объекте познания в форме вопросов, на которые должен ответить исследователь. *Исследовательская задача* определяет не только круг явлений, но аспекты и цели исследования. В ходе работы историка все эти компоненты исследовательской задачи могут уточняться.

Актуальность выбора той или иной проблемы диктуется логикой самой науки. Важно также насколько она востребована современным обществом.

Следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, актуальность это не обязательно близкие к нам периоды истории. Античность не менее актуальна, чем новейшее время. Во-вторых, если тема, за которую вы взялись, до вас не изучалась — само по себе это не означает актуальности: может быть ее пока и не нужно изучать. Надо доказать, что ваша тема поможет решению серьезных научных проблем, прольет дополнительный свет на интересующие нас сюжеты.

Важнейший момент — учет результатов, достигнутых исторической наукой к моменту начала выполнения научной работы. Речь идет об историографическом обзоре в книге или

диссертации, который должен обосновать исследовательскую задачу, раскрыть основные направления и этапы исследования научной проблемы, методологию научных направлений, источниковую базу их трудов и научную значимость. Этот анализ позволит определить нерешенные проблемы, те аспекты исследования, которые не получили должного освещения или нуждаются в исправлении.

Этот анализ позволит определить цель и задачи вашей работы, определить и ее место в общем потоке исследований. Историографическое обоснование — важнейший этап любого исследования. Во многом оно предопределяет успех работы историка. По нему можно судить о степени эрудированности и глубине постановки проблем. Нужно стремиться к объективной оценке труда историков, писавших до вас. Не должно быть никакого нигилизма к предшественникам, даже если вы считаете устаревшими их взгляды. Нужно смотреть, что нового дали эти историки по сравнению с предшественниками, а не выяснять — чего у них нет, исходя из современных позиций — соблюдать принцип историзма. Но в то же время нужно стремиться к нестандартной постановке проблем, искать новые пути ее решения, с учетом новейших достижений исторической и смежных с ней наук, привлекать новые источники, идти «вширь и вглубь» проблемы.

II этап — *выявление источниково-информационной основы и выбор методов исследования.*

Любая историческая проблема может быть решена только при наличии источников, содержащих необходимые сведения об объекте познания. Историк должен использовать уже известные источники, которые до него использовали другие исследователи: владея новыми методиками, он может извлечь новую информацию в соответствии с целями исследования, избранным аспектом исследования. Кроме того, обычно исто-

рик вводит в научный оборот новые источники и этим обогащает науку. Конечно, нужно знать, какие источники информации существовали в изучаемый период и нужно разбираться в системе существующих архивов и библиотек, чтобы найти источники.

Нужно привлечь все познания в области источниковедения, которые изучает проблемы поиска, отбора, установления подлинности, достоверности сведений источников. Нужно использовать огромный опыт, накопленный историками и изучить литературу по источниковедению интересующей вас проблемы.

Источников нужно собрать столько, сколько необходимо и достаточно для выполнения поставленной задачи, обеспечить качественную и количественную представительность конкретных данных. Важно не формальное количество источников, а их информационная насыщенность. Не надо загромождать исследование малозначительными фактами. Избыточная информация может, конечно, использоваться в дальнейших исследованиях, но в данный момент может осложнить достижение поставленной цели.

В то же время источников должно быть достаточно для решения поставленных проблем. По мнению И. Ковальченко, качественная представительность включаемых сведений определяется тем, насколько они раскрывают существенные свойства и связи объекта. Историк использует полученные ранее знания об объекте. Если сведений из источников не хватает, надо корректировать исследовательскую задачу. Что касается количественной представительности, то относится к массовым источникам. Если данных не хватает, надо отложить исследование.

Учитывая утверждения современных постмодернистов о том, что источники не дают представления об исторической

реальности, следует подчеркнуть, что без источников не может быть серьезного научного исследования, нужно все время совершенствовать методику источникового анализа, преодолевать те трудности извлечения информации из источников, на которые указывают постмодернисты.

На этом этапе исследования следует определиться с системой методов, которые следует использовать. Мы уже отмечали, что внеисточниковое знание, методологический арсенал историка имеют решающее значение и при отборе и истолковании источников, и при выборе методов.

На основе общефилософских, общенаучных и общеисторических методов, характеристика которых была дана выше, историк определяет конкретно-проблемные методы исследования. Их очень много, и определяются они спецификой объекта исследования. Именно на этом уровне применяются и междисциплинарный подход, используются методы социологии, психологии и т. д. Но главными являются общеисторические методы — генетический, сравнительно-исторический и т. д. Массовые явления требуют количественных методов, но если недостаточно количественных показателей, следует ограничиться описательными методами.

Конечно, это один из самых ответственных и сложных моментов исследования: нужно выбрать наиболее эффективные методы. Здесь поможет только эрудиция и опыт историка. Как правило, молодые исследователи испытывают здесь наибольшие трудности и помощь научного руководителя или консультанта неоценима.

Третий этап — *Реконструкция и эмпирический уровень познания исторической реальности.*

После завершения предварительного этапа, который был рассмотрен выше, наступает период собственно исследования явлений и процессов исторической реальности. И. Ковальчен-

ко выделяет два уровня познания — эмпирический и теоретический. На первом познается явление, на втором раскрывается сущность и формируется теоретическое знание. Выделение этих этапов весьма условно, в практике историка они переплетены: и на первом этапе историк не обходится без теории, а на втором — без эмпирического материала. Но фактом является, что историка подстерегают две опасности: уйти в эмпиризм, собирательство фактов, не ведущее к обобщениям, или, наоборот, впасть в социологизирование, оторвавшись от исторических фактов: и то, и другое подрывает престиж исторической науки.

На эмпирическом уровне, исходя из поставленной цели, имеющейся научной гипотезы, определяется круг явлений, пути выявления и систематизации научных фактов. Причем, факты в историческом исследовании имеют самодовлеющее значение, говорят «сами за себя», а не являются простым материалом для дальнейших операций. Историк подводит имеющиеся данные под те или иные научные категории. Устанавливаются факты, характеризующие явления. Эмпирические факты систематизируются, сравниваются и т. д. Для изучения объекта познания нужна система фактов. Нужно обеспечить представительную (репрезентативную) систему фактов. Здесь на помощь приходит весь арсенал средств: логические методы извлечения скрытой информации, интуиция, воображение, особенно много зависит от эрудиции, накопленных знаний. Если фактов все-таки не хватает, нужно скорректировать исследовательскую задачу или отказаться от ее решения. Правда, иногда неполнота данных может быть компенсирована в процессе абстрактно-логического анализа на теоретическом уровне в результате категориального синтеза.

Четвертый этап. *Объяснение и теоретический уровень познания.* Долго идет спор о конечной цели исследования истории. Для любой науки эта цель — объяснение. Но В. Дильтей выдвинул в свое время идею, что историк не может объяснить историю, в лучшем случае, понять.

В XX веке все больше приходили к выводу, что историк не должен ограничиться описанием событий, он должен их объяснить. К. Гемпель доказывал, что научное объяснение исторического события означает *подведение его под какой-либо закон*. Правда, это не объяснит конкретное событие в его целостности, а лишь определенный аспект. С Гемпелем полемизировал У. Дрей, который защищал модель *рационального мотивационного объяснения* тех или иных поступков людей.

Кроме того, есть и другие *виды объяснения*. *Причинно-следственные* (казуальные), когда вскрываются объективные и субъективные причины событий, результатов человеческой деятельности.

Генетическое объяснение вскрывает суть процессов в их временном выражении. Объясняет генезис, происхождение событий и процессов.

Структурное объяснение — сущность раскрывается через анализ структур общественных систем, выявляются структурно-образующие признаки, элементы систем и их взаимосвязи.

Функциональное объяснение — разновидность структурного, позволяет понять функционирование системы.

Вначале выдвигается гипотеза (теоретическая схема). Она проверяется фактами, имеющимися в распоряжении историка понятиями и теориями. Если не выдерживает критики, отклоняется, выдвигается новая идея, рождается новая гипотеза. Завершенной формой объяснения является историческая теория.

Роль теории в исторических исследованиях. В объяснении исторических событий решающая роль принадлежит теории. В истории теория обобщает и объясняет факты, связи и отношения на основе понятий, идей и законов. В теории факты фигурируют не сами по себе, а в виде понятий. Интегрирующим началом выступает идея. Построение теории требует творческих усилий, высокого уровня познания, а часто разработки моделей.

Теория участвует в постановке исследовательской задачи, отборе фактов, направляет процесс исследования. Она выполняет важные методологические функции. Вряд ли удастся вывести теорию только из фактов. Дедуктивным путем можно приложить теорию к фактам, но только фактами теорию не проверить. Логика считает, что теорию, как сложную систему, нельзя ни полностью доказать, ни опровергнуть: всегда найдутся факты за и против. Любая теория объясняет лишь определенный класс явлений и не применима в других случаях.

Единой аксиоматической теории исторического процесса, которую разделяли бы все историки, не существует. Историки редко разрабатывают собственные теории, чаще они заимствуют теории и модели из социологии, антропологии, психологии и т. д.

Исторические теории бывают разного уровня обобщения: фундаментальные и частные теории. Фундаментальные — это теории общественно-экономических формаций, теория цивилизаций, циклические теории исторического процесса, теория модернизации и др.

Частные теории — это, например, теория средневекового города, империализма и др. Используются социологические теории мобильности населения, конфликтологии и многие другие. В теории ценится ее предметность, полнота, адекватность, интерпретируемость и проверяемость. К. Поппер счи-

тает, что автор любой теории должен пытаться сам ее опровергнуть (принцип фальсифицируемости). И только убедившись в ее пригодности для анализа фактов, применять. От точности выбора теории зависит и результат, могут быть и ошибки: навязывание фактам искусственной конструкции, недостаточный отбор фактов. Обнаружение новых явлений, взаимосвязей может потребовать смены теории.

Роль понятий и категорий в объяснении. Понятия формируются на теоретическом уровне познания. Историки имеют свой понятийно-категориальный аппарат и постоянно его совершенствуют. В отличие от точных наук, понятия менее определены, и набор признаков и объем зависят от историка. Поэтому понятия полисемантически, постоянно развиваются и уточняются каждым исследователем. Согласно семантике Г. Фреге выделяет триединство в каждом понятии: имя, предметное значение (денотат), смысл, концепт.

Историческое понятие не является ни фрагментом действительности, ни умозрительной конструкцией, оно является результатом познавательной деятельности историка и, одновременно, средством познания. Оно вплетается в ткань исторического исследования и может быть предметом самостоятельного логического анализа, но при этом нельзя отрывать логический анализ от предметной, содержательной стороны знания.

Историческое понятие никогда не совпадает с действительностью. В нем резюмируется *сущность* явлений. Оно включает не все признаки объекта, а лишь существенные. Несовпадение понятия и действительности объясняется индивидуальностью исторических событий, они повторяются редко и в разнообразных формах и почти никогда «в чистом» виде. Понятие не может вместить в себя сложность и многообразие исторической реальности. Асинхронность исторического про-

цесса также объясняет несовпадение понятия и реальности. Понятие беднее конкретно-исторического события, оно охватывает лишь общую логику события, схематизирует действительное событие. Как только историк убеждается, что понятие не соответствует достигнутому уровню знания, он стремится уточнить понятие. В этом главная задача исследования.

Понятие нужно историку для понимания конкретных событий. Историкам трудно договориться об однозначном определении понятия. Эти определения всегда недостаточны. Историческая действительность богаче любого понятия. Понятия полисемантические, если мы жестко определим понятие, мы закроем путь дальнейшему исследованию и остановимся в процессе познания. Вспомним, что жесткое определение нации в отечественной историографии привело к тому, что никаких исторических исследований по становлению наций в Европе, да и в России не появилось вообще. Понятие должно быть открыто для дальнейшего уточнения, расширения его содержания. Понятие должно быть определенным и устойчивым, но не должно быть универсальной отмычкой. Наконец, понятие нельзя отрывать от реальной действительности, конкретной эпохи. Нельзя нарушать принцип историзма, иначе оно станет бессодержательным.

Историческая наука располагает определенной системой выработанных понятий. Понятийный аппарат непрерывно развивается, уточняются старые понятия, возникают новые. В связи с развитием междисциплинарного подхода используются понятия других наук.

Понятия могут быть *единичными* и *общими*, различаются понятия *видовые* и *родовые*, наконец, *конкретные* и *абстрактные*. Сложность оперирования понятиями обусловлена многофункциональностью и неопределенностью терминов.

Языку свойственна поливариантность словарного состава. Ведь историк пользуется обычным, естественным, а не формализованным искусственным языком.

Наряду с понятиями историк использует категории — широкие, предельно обобщенные понятия. Это родовые понятия.

Существуют различные уровни категорий. *Философские*: движение, пространство, время, качество, количество, противоречие, часть, целое, единичное, общее, причина, следствие, форма, содержание и другие.

Общенаучные категории: система, элемент, структура, функция, модель и т. д. И, наконец, *общееисторические категории*.

Особо следует отметить использование понятий и категорий смежных наук, в частности, социологии, психологии, наук о человеке. Использование понятий других наук (в частности, математических) требует особых знаний и большой осторожности. Но сегодня в условиях интеграции общественных и гуманитарных наук с историей это необходимо, хотя и требует дополнительных знаний от исследователя.

Некорректное обращение с понятиями ведет к ошибкам. И. Ковальченко считает, что историк подводит конкретные данные под ту или иную категорию. Здесь и обнаруживаются различия в подходе отдельных историков. Различные мнения — это проявление активности познающего. Споры и дискуссии — важнейшее средство уточнения понятий, развития научных исследований. На истину в последней инстанции не может претендовать ни одно научное направление.

Научные споры должны вестись корректно по форме и иметь целью углубление знаний, обсуждение новых подходов, четко раскрывать содержание употребляемых понятий. Недопустимо упрощать, искажать взгляды оппонента.

Главное, конструктивная направленность дискуссий, а не приклеивание ярлыков и унижение оппонентов.

Логическая структура исторического знания, безусловно, заслуживает дальнейшего развития и уточнения. В книге К. Хвостовой, В. Финна «Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований» (1997) специальная глава посвящена этой проблеме. Авторы выделяют основные части этой структуры, этапы логических построений.

Авторы подчеркивают значение априорного «предпосылочного» знания, философско-мировоззренческого климата, состояния исторической науки. Все это пропускается через личность историка, который переосмысливает историю в широком плане.

Историк должен уделять особое внимание логической систематизации знаний, формализации своих суждений, уточнению используемых понятий, формулированию концепции своего труда. Логическая структура исторического сочинения скрыта, переодета в естественный язык. Но логическая структура есть, и ей надо уделять внимание. Авторы выделяют четыре этапа анализа темы. Первый — создание аргументации за или против включения системы утверждений (априорно или на базе источников). Второе — анализ причинно-следственных связей (логика «открытия»). Третье — ситуационная логика (по К. Попперу). И, наконец, четвертый — создание концепции.

Историк владеет логикой аргументации. Он использует доказательства, аксиомы, правдоподобные рассуждения, владеет риторикой, методами убеждения.

Попытка авторов книги математически выразить логическую структуру исторического исследования заслуживает внимания, хотя и трудна для понимания историка, не вла-

деющего математикой. Пожалуй, это одна из самых сложных и малоизученных проблем логики исторического исследования, хотя философы занимались ей. Но историки пока не имеют подобных исследований, что отрицательно сказывается на подготовке молодых историков.

Историческая концепция. Это важнейший итоговый компонент исследования, результат изучения материала, логических построений, проверки теоретических гипотез и формулирования обобщения фактического материала. По исторической концепции оценивается труд историка, его вклад в науку. Обращается особое внимание на логическую стройность и доказательность концепции. Историки или создают новые концепции, или в чем-то уточняют прежние. Это магистральный путь развития науки.

Историческая концепция заложена в текст исторического сочинения, как правило, кратко формулируется в выводах или заключении работы. Историческая концепция в отличие от теоретических схем не абстрактна, а конкретна. Она систематизирует материал и дает ему объяснение. В отличие от теории историческая концепция носит конкретный характер. Это результат, как отмечалось ранее, *восхождения от абстрактного к конкретному*.

Проверка результатов исследования — заключительный этап работы историка. Мы знаем об относительности полученных результатов. Но относительны и заблуждения. Ошибочный результат полезен для науки — показывает тупиковый характер избранных методов и подходов. Между тем, всякая относительная истина несет в себе частичку абсолютной и доля последней возрастает: Объективная истина всегда конкретна. Главный способ проверки полученных результатов — критика. Историки, знакомясь с новым произведением, сразу подмечают сильные и слабые стороны. Проводится содержа-

тельно-логический анализ. Проверка гипотез осуществляется методом исключения или включением в более широкую проблему. Если результат противоречит общей системе, нужно скорректировать научную задачу. Главное — проверить достоверность проводимых автором доводов и выводов. К критериям научности, кроме достоверности относятся предметность, обоснованность и системность. Другие историки, заметив слабости работы, будут вновь писать на ту же тему, используя новые источники и методы. Путь познания бесконечен и всегда тернист.

Лекция пятнадцатая. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ (НАРРАТИВ)

Результатом кропотливого труда историка обычно является диссертация или монография, в которых в повествовательной форме излагаются исторические события, даются их интерпретация и объяснение. Существует огромное разнообразие нарративов: различные подходы историков, разнообразны методы исследования, наконец, неодинаковы литературные способности и стиль изложения. Все это разнообразие вполне естественно. Оно отражает многообразие мира исторических явлений и огромное разнообразие научных подходов.

В то же время историческое повествование — важнейший элемент исторического познания. Оно не сводится к описанию фактов, как полагали историки раньше. В нем огромную роль играет теория (анализ). Немецкий историк И. Рюзен считает, что в основе нарратива лежит теория. Американский историк П. Гэй писал: «исторический нарратив без анализа тривиален, исторический анализ без нарратива несовершенен». Нарратив интегрирует все методы и подходы современной науки.

Современная «сциентизация», применение количественных и иных методов, о которых шла речь, вызвало беспокойство историков: как бы не утерять в связи с усложнением языка нарратива — «волнующий рассказ об истории», не потерять человека за формулами, статистикой. Именно в повествовании, рассказе история реализует свое своеобразие как наука. Историк не должен увлекаться социологическими абстракциями, а писать наглядно, понятно для широкого круга читателей.

В 70-е годы на Западе прошла дискуссия о нарративе, выявившая тенденции к эстетизации истории. И. Рюзен писал о «поэтике историописания».

Хайден Вайт, профессор Калифорнийского университета, начинал как медиевист. В 1973 году появилась его книга «Метаистория: историческое воображение в Европе девятнадцатого столетия». Книгу сравнивали с книгой Д. Коллингвуда «Идея истории». До сих пор Х. Вайт является лидером постмодернистского направления и отстаивает свои идеи, развивая их в своих трудах. Обратимся к схеме построения нарратива, предложенной этим исследователем.

Модель исторического «воображения», предложенная автором, имеет четыре блока. *Первый — тропы*, которые лежат в основе исторической интерпретации, стратегия которой формулируется в недрах языка, обыденной речи, так как в отличие от других наук история не имеет собственного теоретического формализованного языка. Интерпретация формируется в соответствии с типами лингвистических оборотов, доминирующими тропами, среди которых Х. Вайт выделяет *метафору*, которая основывается на сходстве объектов, метонимию (целое характеризуется по его признаку), *синекдоху* (интегрирует объект). Х. Вайт особое значение придает *иронии* — самокритичному способу мышления, которое было свойственно позднему Возрождению и возвращается в конце XX века.

Каждая из троп выполняет свою риторическую и объясняющую функции. Метафора — репрезентационистскую, метонимия — редукционистскую, синекдоха — интегративную, ирония — негативную.

Историк выбирает тропы неосознанно, но они определяют тип интерпретации, стиль, все остальные три составляющих нарратива.

Второй блок — поэтическая природа историописания. *Романтическое повествование* — победа добра над злом, света над тьмой. *Комедия* — эпизодические победы индивида при невозможности окончательной победы, *трагедия* — гибель героя во имя идеи, наконец, *сатира* — человек — узник мира, а не хозяин его.

Третий блок — четыре типа аргументации, объясняющих исторические события. *Формизм* (фиксирование уникальности исторических событий, идиографизм). *Организмизм* (внимание на функционировании целого). *Механицизм* (выявление причинных связей). Наконец, *контекстуализм* (историческое явление помещается в контекст эпохи).

Наконец, *четвертый блок* — идеологическая ориентация историка — *консерватизм, либерализм, анархизм и радикализм*.

Х. Уайт подчеркивает связь между собой всех блоков, хотя считает, что выбор остается за историком. Конечно, как всякая схема, она условна, не понятно, почему их всего четыре (есть тропы, которые не вошли, и методологические подходы не исчерпываются четырьмя, как и политические течения). Не ясно, что дает историку констатация, что К. Маркс пользовался синекдохой. Но дело даже не в том, что схема не ложится на историографию. Главное, она сводит историю к риторическому дискурсу. Тропы определяют выбор интерпретаций, которых множество. Понимать историю можно «как угодно и делать с ней, что хотим» — это крайний релятивизм. Перед нами призыв превратить историю в литературу. Конечно, эта концепция не принята большинством историков. Но, главное, что не устраивает — отрицание познавательных возможностей нарратива, который, по мнению Х. Вайта, никакого представления о прошлой реальности не дает.

Большинство историков на Западе придерживаются мнения, что нарратив – важный познавательный инструмент, необходимый чтобы знать, понимать и объяснять прошлые события. Правда, есть и такие, которые считают, что достаточно просто пересказать источники – нарративную форму исторической действительности.

Не принимая крайности подхода к историческому познанию как только лингвистической структуре, не следует игнорировать поставление проблемы. Не все согласны, как решает их Х. Вайт, но все признают их реальность. В частности, проблему литературного оформления труда историка, эстетических, нравственных и идеологических аспектов науки.

В отечественной историографии своевременно не обратили внимания на дискуссию 70-х годов о нарративе, о книге Х. Вайта упомянули лишь 15 лет спустя и, разумеется, в негативной форме. Между тем, ни одной серьезной работы о нарративе не было издано вообще, как будто проблемы не было. Между тем, язык сочинений отечественных историков усилиями самих авторов и, особенно, редакторов стал сухим и невыразительным. Традиция живого увлекательного рассказа была утрачена. Следили за идеологической позицией, а литературной форме не уделяли внимания. О языке и стиле историка не писали вообще. И молодые историки подражали старшим, не задумываясь, каким должен быть нарратив. И дело не только в литературной форме: структура нарратива, различные типы повествования, соотношение фактов и теории и многие другие вопросы не обсуждались. Единственная марксистская работа на эту тему польского историка Е. Топольского на русский язык не переводилась.

Лишь в 2000 году появилась книга С. Кизюкова «Типы и структуры исторического повествования», где автор пытается откликнуться на проблемы «возрождения» нарратива.

Автор задался целью обратить внимание историков на важную сторону их творчества: риторику, языковые особенности, формально-литературные характеристики этого типа дискурса (термин постмодернистский, означает рассуждение, призван заменить термин «исследование»). Именно особенности языковой структуры и избранный способ рассуждения задают то, что будет сказано историком. Автор – сторонник формализации и компьютеризации работы историка. Он отдает предпочтение повествованию перед исследованием: интерпретация зависит не от исследования, а повествования. Тезис спорный, и это признает автор, предлагая относиться к этому тезису с иронией и защищать свою концепцию вопреки здравому смыслу не будет. Это, конечно, кокетство, но влияние постмодернизма прослеживается явно.

Приведя известные высказывания о кризисе исторической науки, автор считает, что исторический нарратив – это текст, имеющий определенную структуру, развивающуюся по определенным законам. Выход из кризиса надо искать в лингвистической парадигме, другого выхода у историка нет, как обратиться к языку собственного сочинения, осознать связь языка и познания.

Автор подробно излагает взгляды постмодернистов на историю как текст. Причем, добавляет, что в условиях создания глобальной информационной сети текст имеет особое значение. Компьютер тоже используется для анализа текстов. История – текст, особый жанр повествования, особый язык, знаковая система. Но история не имеет формализованного языка. Автор считает плодотворным изучение нарратива как текста, его логической структуры. Нужна методология анализа нарратива (надо полагать вместо методологии исследования). Нарратив – форма придания смысла историческим событиям, получения и представления исторических знаний.

Нарратив — это рассказ об объекте, безотносительно к самому объекту. Главное, определить правила, по которым строится рассказ, а остальное не важно. Автора явно «заносит», когда он говорит, что его не интересует истинность или ложность рассказа. Мы не будем пересказывать содержание довольно большой монографии С. Кизюкова. Главное ее достоинство — стремление «расшевелить» отечественных историков, задуматься над проблемами, над которыми ломают головы историки Запада. Однако, будучи силен в критике, он значительно слабее в конкретном анализе нарратива, из которого мало что можно извлечь для практики. Автор прав, когда особое значение придает контексту, зная который можно предсказать построение, структуру и сюжет рассказа (контекст бывает религиозный, культурный, национальный). Особую роль играют метаустановки историка, которые присутствуют в изучении каждого частного вопроса. В этом принципиально нового нет. Мало что дает разделение всех нарративов на две формы: биографию (отвечает на вопрос «как») и притчу — («почему»). На самом деле существует огромное разнообразие типов нарративов, и они все имеют право на существование.

Автор иногда вступает в полемику с постмодернистами по поводу их утверждений, что нет взаимозависимости событий, детерминизма. Он утверждает, что историк-постмодернист невозможен.

Можно согласиться с автором, что основным формообразующим элементом являются внутренние представления автора, умение анализировать, иметь способности и память, умение переживать события, интуитивно схватывать логику событий. Нужны и логика, и интуиция. Интересна постановка вопроса о мифологических элементах в нарративе.

Однако задача, поставленная автором — создать модель для информационной системы в области конструирования

нарратива, осталась нереализованной. Схема есть (весьма спорная), но модели нет. Причем, он прав, что если литератор ничем не связан, то у историка есть схема повествования. Однако согласиться с автором, что как только компьютер сочинит несколько историй об одном и том же объекте, то историк будет не нужен, трудно. Неудачна, в целом, попытка препарировать нарратив. Мало что дает заявление, что внутренний мир представлений историка наиболее «темный» элемент.

Автор выделяет *контекст, структурирующую часть, речевые особенности автора, формально-логические методы*. Спорны утверждения, что историк должен старые мифы трансформировать в современные, что историк должен одновременно писать несколько исследований с разной трактовкой одних и тех же событий, что историк должен апеллировать к архетипам, чтобы его читали не только специалисты.

В итоге, автор приходит к выводу, что творчество историка — создание на основе фактов целостных исторических образов, выражающих конкретный исторический опыт. Это научное художественное творчество, превосходящее труд писателя. В этом автор противостоит постмодернизму. Но его призывы избавиться от комплекса объективизма, от веры во всемогущество факта и свести исследование к написанию нарратива — вряд ли приемлемы.

Он даже называет объективизм «травмой», зовет «назад к Геродоту» на новой технологической и философской основе. Какую философию имеет в виду автор не ясно. Наивен призыв к разработке технологии массового производства нарративов. Признавая роль мифологического элемента в исторических текстах, вряд ли правомерно, как это делает автор, считать, что история — миф, рассказанный совре-

менными средствами, апеллирующий к реальным событиям, причем, преобладает якобы миф о герое.

В конце книги автор излагает во многом приемлемую схему: подбор фактов, хронологическое упорядочение материала, учет контекста, в особенности, при определении причин событий. Далее следует интерпретация событий, создается концепция. Наконец, создание исторической картины как художественного произведения. На всех уровнях можно выявить культурно-религиозный контекст и архетип.

Отметим, что автор находится под влиянием постмодернистских взглядов, о которых мы уже достаточно говорили. Ему, однако, не удалось создать формальную модель исторического нарратива, которую можно заложить в компьютер и обойтись без историков. Но если списать крайности на полемическую заостренность, то можно увидеть и положительные моменты — интерес к проблеме нарратива, который нельзя рассматривать только как сообщение о результатах исследования, он сам является орудием познания, хотя полностью сводить исследование к нарративу, как это делает автор, нецелесообразно. Автор даже не упоминает о методах исторического исследования, что абсолютно недопустимо. Обращает на себя внимание, что в отличие от Х. Вайта, С. Кизяков не является историком, не анализирует нарративов крупных современных историков — это дало бы возможность проверить его модель нарратива. Многие проблемы затронуты, но не предложено их удовлетворительного решения.

В заключение отметим, что нарратив не сводится к описанию фактов, он содержит теоретический компонент, заложенную в него концепцию, объяснение исторических событий. Кроме пересказа источников, он содержит внеисточниковое знание — философские подходы, методологические установки историка. Многое зависит от эрудиции, владения литературным языком.

Язык нарратива имеет особое значение: знание правил построения фразы, точное понимание смысла слов (семантика). В разных языках существует различное понимание одних и тех же терминов и слов. Язык исследователя должен быть понятен читателю, хотя обойтись без специальных понятий и терминов невозможно в научном сочинении. Работы, выполненные с применением математических методов, без минимальной подготовки, понять трудно историку, не владеющему познаниями в этой точной науке. Особое внимание следует уделять понятиям, объясняя какой смысл вкладывает автор в них, особенно если понятия заимствованы из социологии, психологии и т. д. Историк использует приемы риторики, но текст не должен «страдать» помпезным вычурным стилем, ранее господствовавшим. Стиль должен быть ясным и точным. Историк должен использовать воображение, но не имеет права додумывать и выдумывать. В этом отличие научного сочинения от художественной литературы.

Нарратив должен содержать и оценки исторических явлений и процессов — идеологические, нравственные и эстетические. К рассмотрению этого вопроса мы и переходим.

Лекция шестнадцатая. ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ПРОЦЕССОВ

Научное исследование предполагает определенное отношение историка к изучаемому объекту. Это отношение выражает ценностный подход, который проявляется в оценочных суждениях. Давно идет спор между историками — нужно ли ограничиться регистрацией фактов или нужно давать оценки, вершить суд над историей. Первые хотят освободить историческое знание от оценок и ценностей как «вненаучных» элементов, которые вредят объективности. Вторые гипертрофируют ценностный подход, отрицают объективную истину, скатываются к историческому релятивизму и субъективизму.

Согласно Г. Риккерту, история есть наука о ценностях культуры. Эти ценности понимались им как абсолютные, общезначимые и надисторичные. Ценности лежат по ту сторону объектов и субъектов. Конечно, это не так. Однако критики Г. Риккерта впадают в другую крайность, утверждая абсолютную релятивность ценностей. А. Штерн считает ценностный подход главным. При этом историк может руководствоваться любыми ценностными установками, выбирая их произвольно. Некоторые исследователи признают роль социокультурных факторов, но предпочтение отдают личным мотивам историка. Причем, историк руководствуется ими сознательно или бессознательно. Якобы все критерии выбора ценностей равнозначны и относительны. Тем самым принципы отбора фактов выводятся за рамки научных приемов. Заметим, что не следует считать критерий отнесения к ценности

единственным критерием определения сущности исторических событий, а лишь как дополнение других методов и принципов исследования.

Категорически следует отменить представления, что события не имеют объективных характеристик, а представляют собой лишь совокупность ценностных значений, эта крайняя позиция была заявлена в начале 60-х годов Т. Лессингом, но была подхвачена многими. Некоторые даже провозгласили независимость историка от прошлого. Так как каждая эпоха имеет свои ценности, то история переписывается в соответствии с ними. Известный нам историк А. Штерн заявляет, что только слепой догматик может упорно верить будто историческое знание является отображением истины. Неисторичность ценностных компонентов исключает объективность. Таким образом, история выводится за рамки науки.

Продолжает существовать и противоположная тенденция — стремление стерилизовать историю от ценностных ориентаций. Р. Виттрам утверждал, что факты имеют значение независимо от того, с каких позиций мы подходим к ним, они говорят «сами за себя». Высказывал идею о несовместимости науки и оценки. К. Поппер: нужно очищать науку от ценностей. Чем нейтральнее в ценностном отношении суждение, тем оно научнее. Историк должен избегать ценностных суждений, или он не ученый, а моралист или политик. Это крайние и спорные суждения, они не учитывают специфического места истории в системе культуры, социальной функции истории.

Есть историки, которые отвергают обе крайние позиции и *аксиологический субъективизм, и ценностный нейтрализм*. Освободиться от ценностных суждений нельзя, но это не подрывает научности истории, наоборот позволяет глуб-

же проникнуть в сущность исторических событий с позиций дня сегодняшнего.

Ценности. В каждом обществе есть система ценностей материальных, духовных, эстетических и моральных. Ценностное отношение охватывает все сферы деятельности человека. Ценностью выступает вся культура человечества. Ценности имеют исторический характер. Например, такие ценности, как государство, религия, церковь и другие на протяжении истории меняли свое содержание. Выяснение этого — задача исторической науки. Причем, историк всегда должен знать систему ценностей того общества, которое он изучает, и должен осознавать исторический путь развития современного ему общества и становления его системы ценностей.

Оценка — средство осознания значимости исторического события. В оценке фиксируются наиболее значимые свойства объекта. Конечно, оценка может быть истинной и ложной, так как ее дает субъект, признающий иногда и ценности, не являющиеся таковыми.

Значимость объекта мы определяем, уже формулируя исследовательскую задачу. Отечественные философы рассматривали ценность как свойство объекта. Поэтому она является необходимым условием познания. Оценка и определяет значимость события, явлений, процессов. Прошлое не дает готовых рецептов — меняются условия. Но опыт прошлого, таким образом, включается в современность. И в этом огромную роль играет оценка, даваемая историком историческому событию.

Идеологическая оценка. Идеология — это система взглядов, идей, выражающая интересы социальных групп, иногда государства. Именно потому, что она связана с интересами отдельных групп, она не выражает интересов всего общества, а

вызывает критику со стороны представителей других идеологических систем. Идеология может быть ложным сознанием, хотя и частично опираться на науку. Не каждая идеология побуждает искать истину. Поэтому историк может впасть в субъективизм и отойти от истины. Иногда это результат промахов в исследовательской работе, иногда сознательное стремление услужить тем или иным настроениям в обществе или интересам государства.

Рассмотрим три варианта: *национальную, религиозную и классово-политическую* разновидности идеологии. Они часто определяют мировоззрение историка, которое нельзя отделить от научных занятий.

Формирующаяся национальная идеология заинтересована в создании не объективной истории, но «удобной» легенды, льстящей самолюбию: идеализация родной старины, сочинения писателей и «ученые» домыслы — все используется для создания националистической идеологии. В октябре 1996 года в лондонском университете прошла конференция «Мифы и нации», посвященная критике националистических исторических мифов. Всегда были и есть историки, которые выступали против мифологизации национальной истории, но они не были и национальными нигилистами. Тот же, кто защищает интересы государства (как их понимают политики) переходит в разряд публицистов и уходит далеко от науки. Особенно заметно это в истории международных отношений: когда государства воюют, усиливается стремление обвинить другую сторону во всех смертных грехах. После Первой мировой войны, стремясь разоблачить друг друга, воевавшие стороны стали публиковать документы, изобличающие «врага». Но в итоге историк получил блестящую возможность в столкновении оценок и мнений искать истину. Не может быть французской, русской истины о войне. Еще Ф. Вольтер

мечтал, что о пунических войнах будут писать объективно, а не в пользу римлян или карфагенян. Но это встречается редко. Особенно, когда встает вопрос об «исторических» правах на те или иные земли. Широко обсуждающиеся сейчас проблемы понимания «чужой» культуры или нации помогут более глубоко понять взаимоотношения народов, взаимозависимость культур. В связи с процессом «глобализации» нуждается в серьезной теоретической разработке вопрос о национальных интересах и их соотносительности к проблемам нового мирового порядка. Историк должен быть интернационалистом, видеть специфику, культурные особенности других народов и способствовать взаимопониманию. Историк обязан писать правду об истории своего народа, должен изучать историю других народов, участвовать в развитии мировой науки. Как писал Н. И. Кареев, чем более история отказывается от подчинения национальным предрассудкам, предубеждениям, симпатиям, антипатиям, легендам, традициям и лозунгам, тем более она заслуживает названия настоящей науки (Кареев Н. И. «Теория исторического знания», С. 254).

Религиозная идеология всегда оказывала влияние на историческую науку. Идея божественного предопределения свойственна не только средним векам. И сегодня это направление влиятельно в западной историографии. Оно исходит из того, что проникнуть в тайну творения только путем интеллектуальных размышлений невозможно, универсальным средством является лишь религия, вера и мистицизм. Историк должен понять религиозный смысл бытия. История, по мнению теософии, — религия духа, которая верит в провидение и свою душу доверяет небу. Мирская событийная история подчинена истории спасения людей богом. Мир истории — сфера человеческого самовоплощения и сфера откровения божьего.

Трансцендентную суть историк может понять лишь с помощью откровения, религиозной интуиции. Ж. Маритэн (французский неотомист) видит историю в трех сферах: сакральной, земной и промежуточной, как область деятельности боготворца, сатаны и человека.

Сейчас теологи активно вторгаются в общественную жизнь, развивают идеи обновления церкви. Все более активную роль играет мусульманский фундаментализм, что также влияет на историков.

В этих условиях историк должен избегать *конфессионального субъективизма*. Историк, стоящий на конфессиональной точке зрения, может быть лишь апологетом или полемистом, но не научным исследователем. Верующий историк не должен служить той или иной церкви, его убеждения не должны мешать установлению фактов, применению научных методов. Если историк будет вмешиваться в религиозные споры, он превратится в полемиста, потеряет возможность «со стороны» взглянуть на историю религии и церкви, да и общества в целом.

Наконец, третий вид идеологии — *классово-партийная*. Историк живет в обществе, где борются различные интересы: кланов, социальных групп, классов. Выразителями их взглядов выступают партии, общественные организации, которые создают свою идеологию, привлекают историков в свои ряды. Мы видим либеральные, консервативные, социалистические партии со своими теоретиками, историками. Хотя нужно сказать, что не просто иногда определить классовую базу этих партий. Один класс имел, как правило, несколько партий, каждая из которых претендовала на монопольное выражение интересов того или иного класса. Н. И. Кареев, касаясь истории французской революции, писал о точках зрения, близких к партийности, смотря по тому «были ли авторы этих трудов

либералами и радикалами, конституционалистами или республиканцами, выразителями интересов мнений и стремлений буржуазии или демократами, народниками, социалистами». Одни симпатизировали жирондистам, другие якобинцам, были адвокатами одних и обличителями других. Луи Блан считал якобинцев социалистами. Ж. Мишле считал народ «героем» революции, которому Франция обязана всеми завоеваниями. Были историки, писавшие о ненужности революции и т. д. До сих пор продолжается полемика по всему комплексу проблем французской революции, и сталкиваются многие мнения. Это вполне естественно, и если историк ориентируется в сложившихся историографических направлениях и современной ему идеологической ситуации, он вполне разберется, в чем односторонность того или иного автора и сумеет занять более объективную позицию. Разумеется, если он сам свободен от влияния политической конъюнктуры.

Следует иметь в виду, что исторические явления, особенно масштабные, сложные, оказавшие влияние далеко за пределами страны, где происходили, не могут быть оценены односложно: всегда есть позитивные и негативные последствия. Историк не должен, в отличие от публициста, замалчивать «неудобные» факты. Он должен проверять все свидетельства, зная, от кого они происходят. Ни в коем случае не предпринимать заранее вывода, удобного той или иной партии. Сказанное не означает, что высказанные оценки с тех или иных позиций всегда ошибочны, но историк имеет более широкий взгляд, кроме того, он знает историческую перспективу и оценивает события более полно, чем современник или предшественники исторического цеха.

Нравственная оценка в историческом исследовании. Любая человеческая деятельность имеет нравственный аспект. Человечеству свойственны духовные порывы, подвиги, стрем-

ление творить добро, но вместе с тем, слабости, пороки, а иногда преступления, жестокость. Историк не может и не должен избегать нравственных оценок деятельности людей в прошлом. Уже античные историки рассматривали историю как «наставницу жизни», формирующую душу, нравственные устои. Просветители считали, что история должна учить добродетели и осуждать пороки. Правда, сторонники подобных взглядов не осознавали всей сложности извлечения из истории нравственных уроков, а главное, неоднозначность этих уроков.

В XIX веке стремление придать истории научный статус породило стремление исключить нравственную оценку как субъективную, мешающую объективному познанию. Как мы отмечали, Л. Ранке считал, что не дело историка вершить суд над историей, его дело показать, «как все это происходило». Его тезис оспорили сторонники малогерманской школы, считавшие, что историк не может стоять в стороне от политики.

В дальнейшем проблема соотношения объективной истины и моральной оценки продолжала занимать историков. Позитивисты склонялись к безоценочному подходу, в то время как неокантианцы (Г. Риккерт) впервые обстоятельно разработали проблемы ценностного подхода и оценки в исторической науке. Марксизм привнес классовую оценку в историческое исследование. Как отмечал В. И. Ленин, за любыми нравственными заявлениями нужно «разыскивать интересы тех или иных классов» (Полн. Собр. Соч. Т. 23. С. 47).

В советское время проблема нравственной оценки была практически снята: «революционная» мораль сменила «буржуазную». Отказ от признания факта существования общечеловеческих моральных норм привел к серьезным деформациям в общественном сознании. Расхожими стали утверждения о том, что якобы К. Маркс выступал против «абстрактной»

морали. Широко цитировались слова В. И. Ленина, что «в марксизме нет ни грана этики». Хотя надо сказать, все это не так однозначно. Труды К. Маркса насыщены нравственными оценками, не видеть этого может только тот, кто не читал его сочинений. К. Маркс требовательно относился к моральному облику исследователя. Редко вспоминают его слова «Человек, стремящегося приспособить науку к такой точке, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами...такого человека я называю низким» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. Соч. Т. 26, ч. 2. С. 125). Партийность была противопоставлена объективности. Причем, партийность понималась как неукоснительное следование официальной пропаганде. Разумеется, в таких условиях вспоминать о необходимости поиска истины было просто неуместно. Господствовал крайний субъективизм, прикрываемый рассуждениями о законах истории.

Небольшой всплеск интереса к нравственным оценкам истории наблюдался в годы «хрущевской оттепели», но он вскоре сменился ростом бюрократического контроля над исторической наукой. Конечно, и в 50-е годы были историки, которые не потеряли совести, шли «против течения». Они подвергались разносной «критике», многие труды не печатались. Это не способствовало созданию нравственной атмосферы научного поиска, снижался профессиональный уровень науки в целом. Этому содействовала и изоляция от достижений мировой науки под флагом «борьбы с буржуазной историографией».

С началом «перестройки» ситуация изменилась, а резкий поворот в обществе летом 1991 года изменили условия существования исторической науки. Главное, историки получили свободу творчества, свободу от идеологических «установок», утвердился плюрализм в науке. Впервые на национальном

уровне были даны нравственные оценки советско-германских договоров 1939 года, афганской войны 80-х годов. Вновь проблема соотношения объективной истины и субъективной моральной оценки занимает умы историков и философов. На наш взгляд эта проблема имеет два аспекта, тесно связанных между собой. Первая сторона — нравственные принципы историка как специалиста и как гражданина. Вторая сторона — нравственная оценка исторических событий.

Что касается первой проблемы, то ей в нашей литературе уделялось мало внимания, хотя проблемы научной этики важны для историка не менее, если не более, чем для ученых других специальностей. Вспомним слова известного русского историка конца XIX века В. И. Герье о том, что только глубоко нравственная личность достойна истолковывать и объяснять «величественные образы прошедшего». Историк должен постоянно работать над собой, воспитывать себя. История в этом плане, по его мнению, предъявляет более жесткие требования, чем другие науки.

Определенные ценности, этические нормы складывались исторически, они определяют, что допустимо, а что непозволительно ученому-историку. *Главное — бескорыстный, самоотверженный поиск истины* вопреки конъюнктуре политической жизни. Требуется немало мужества, чтобы отстоять свои убеждения или отказаться от ошибочных суждений, опровергнутых наукой или жизнью.

Уважение к предшественникам — обязательное свойство историка. Разумеется, это не означает слепого следования «авторитетам» — поиск новых методов, подходов, стремление двинуть науку вперед — непереносимое условие развития науки и признак состоявшегося исследователя. Плагиат, фальсификация истории и ложь — самые гнусные пороки историка. *Честность и порядочность, добросовестность*

особенно важны для исторического познания, содержащего значительный элемент субъективности.

Сложнее вопрос о нравственной позиции историка как гражданина. В обществе постоянно идут общественно-политические изменения, и историк вынужден занимать ту или иную позицию. При этом не следует забывать, что он ищет истину и должен дистанцироваться от непосредственной политической борьбы. Если он руководствуется общечеловеческими ценностями, моральными ценностями (защиты прав человека, демократии и т. д.) — это даст ему возможность объективно изучить ту или иную проблему.

Переходим к вопросу о нравственной оценке исторических событий, личностей и т. д. Мораль — одна из форм познания. Нравственная оценка при таком подходе выступает как внутренне присущий исследованию компонент, а не нечто внешнее, чуждое процессу исторического исследования. Моральная оценка не только примирима с научностью, но и венчает научный анализ.

Еще один важный момент. Давая моральную оценку явлениям и поступкам людей прошлого, нужно изучить систему моральных ценностей прошлой эпохи, понять моральную оценку событий современниками. Нужно знать специфику нравственных ориентиров той или иной эпохи, страны, нации, класса, слоя и т. д. Наконец, видеть особенности моральных устоев отдельных личностей. Но оценивать прошлое нужно с позиций дня сегодняшнего с учетом исторического опыта человечества, его культуры. В каждой морали есть абсолютное и относительное. Такие понятия как честность, порядочность — набор добродетелей, как и набор пороков — зависть, мстительность и т. д. известен, но в разные эпохи они проявляются по-разному. Нельзя скатываться к оправданию «всего и вся» условиями эпохи и в то

же время не следует, преувеличивать порочность морали общества в целом. Единой морали нет в обществе. Каждая личность имеет свободу выбора и ответственна за свои поступки, без ссылок на «время было такое». Во все времена были честные люди, и были подлецы.

По сравнению с современниками, оценивавшими события, мы имеем преимущество - мы знаем, к чему привели действия людей, и поэтому можем оценить все объективнее и полнее.

Эстетика истории. Как уже отмечалось, история тесно соприкасается с художественной литературой и искусством. С античных времен мы помним, что муза истории — Клио. А. Пушкин и Ф. Вольтер воплощали в творчестве единство этих двух сфер культуры — истории и искусства. Для истории характерно образное мышление, широко используются эстетические категории.

Эстетические отношения возникают в процессе деятельности человека и в процессе познания. Возникают разного рода эмоции, и эстетическая оценка присутствует в каждой книге историка. Исходное понятие эстетики — прекрасное. Но в мире, в том числе в истории, немало безобразного, зла, выявление и бескомпромиссное отрицание последнего — одна из задач историка.

Историк использует категорию «*возвышенного*». Сильная страсть, великое деяние поднимают человека над обыденным. Идея «*возвышенного*» менялась в ходе истории. Культ силы уступал место гуманизму. Благородные высокие моральные качества необходимы, чтобы творить «*возвышенное*» и понимать его.

Используется категория «*трагического*». Трагической бывает судьба общественного или государственного деятеля, художника, целого народа, например, поражение в войне.

Главное для историка — сохранить верность принципу историзма, конкретно-историческому подходу при вынесении эстетической оценки событиям и историческим личностям. Возможна в истории и «комическая» ситуация. К. Маркс говорил, что события в истории повторяются дважды: первый раз как трагедия, второй — в виде фарса.

А. Гулыга, автор работы «Эстетика истории», выделяет еще гносеологические категории: «типическое», «подлинное». Историк ищет «типическое» в событиях, деятельности людей.

История требует сопереживания. Историк стремится проникнуть во внутренний мир исторического персонажа. История — синтез теоретического и эстетического освоения действительности.

Язык истории не лишен образности, но границы его применения — рамки литературных норм. Излишняя метафоричность может повредить (А. Гулыга). В историческом образе вымысел исключен. Если писатель создает типические образы, историк ищет их в реальности. Сила исторического образа в подлинности. Пример — историческая проза В. Ключевского, в частности, его исторические портреты. В. Ключевский афористичен, любит яркое сравнение, выразительную деталь, но ему никогда не изменяет чувство меры и вкус (образ Петра I).

В историческом образе синтезируются абстрактные построения и художественное начало. Наиболее широко образные средства применяются в биографическом жанре, очень распространенном и любимом широкими кругами читателей. Вспомним хотя бы серию «Жизнь замечательных людей». Биографии «простых» людей, а не только «великих», позволяют лучше понять эпоху. Биография должна отразить взаимодействие личности и общественной среды. Сложность — в раскрытии внутреннего мира героя. Нужно понять его психо-

логию. Есть серьезные различия между биографией, написанной историком и писателем. Писатель может спрятать себя в героя, думать от его имени, домысливать многое. Историк не имеет на это права. Он верен фактам. Историк не обязательно пишет сухим, казенным языком, он может написать научно-художественную биографию (Тарле о Наполеоне, А. Манфред «Три портрета эпохи французской революции», А. Давидсон о Сесиле Родсе).

Несколько слов об *историческом романе*. Многие получают первые сведения по истории, читая эти произведения. Основоположником этого жанра считается английский романист Вальтер Скотт. Он был популярен не менее У. Шекспира и Д. Байрона. Сейчас его книги менее популярны, но он вызвал в свое время массу последователей, а жанр исторического романа процветает и сегодня. Классический исторический роман имеет некоторые особенности — вымышленный сюжет и вымышленные герои на фоне подлинных исторических событий. Не забудем, что Вальтер Скотт был и историком. Он показал историю через судьбы зачастую обычных людей. Колорит эпохи, верное изображение деталей, быта, взаимоотношений людей — его роман пронизан историзмом.

Но появились и другие формы исторического романа. Все чаще в центре внимания оказывалась историческая личность (Л. Фейхвангер, А. Толстой, Г. Манн). Вымышленные персонажи отошли на второй план, оттеняют поступки главных героев. Надо отметить, что историки могут найти массу неточностей в деталях (даже Вальтер Скотт использовал сочиненные им выспренние монологи в «Айвенго» как литературный прием).

Давно замечено, что исторический роман пишется на злобу дня — современность диктует выбор персонажей. В. Брехт писал о Цезаре, чтобы показать суть происходивших современных автору событий и развенчать штампы, сложившиеся в

понимании древней истории. В настоящее время в искусстве растет интерес к историческому документу, что укрепляет союз истории и искусства.

Образное мышление необходимо историку — оно позволяет проникнуть в сущность событий. Кроме того, это средство популяризации — путь к широкому читателю. Все жанры хороши, кроме скучного (А. Гулыга). Искусство дает истории необходимую художественную культуру, а история подводит под искусство историческую традицию. Обо всем этом можно подробнее узнать в книгах А. Гулыги «Эстетика истории» и «Искусство истории».

Лекция семнадцатая. ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

Историческое сознание общества. Историческое сознание — это такая форма сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени: прошлое, настоящее и будущее. Каждое общество может осознать себя лишь в общем процессе развития, зная свое прошлое, задумываясь о будущем. Человек познает себя в ходе истории и посредством истории. Историческое сознание выступает как фундаментальная характеристика культуры любой эпохи. Культура — продукт эпохи, впитывает в себя исторический опыт. По определению М. Барга, историческое сознание это связь времен в духовной и нравственной культуре данной человеческой общности. Мысленно воссоздавая прошлое, индивид воспроизводит процесс собственного становления. От мифологических представлений о прошлом к научному историзму — таков путь человека в поисках смысла собственной истории.

Появление исторического сознания — важнейший факт мировой культуры. Это высшая духовная и эстетическая ценность человека. Мифологическое и дискурсивное мышление — две стадии в формировании этого сознания.

Все аспекты культуры данной эпохи преломляются в историческом сознании. Влияние исторического сознания на формирование исторической науки исследовано недостаточно, хотя внимание к этой проблеме растет.

Каждая культурно-историческая эпоха извлекает из истории некоторые факты, которые ранее в «писанной» истории были неизвестны. Чтобы историк включил все эти факты в историографию, нужно осознать их важность. Каждая систе-

ма культуры задает историку теоретические и логические предпосылки, те интеллектуальные формы, в которых историк видит историю. Мировидение, система ценностей, логических форм и риторики данной эпохи определяют развитие исторической науки в данный период.

Научное историческое сознание не является единственной формой сознания. Более того, научное сознание охватывает сравнительно небольшую часть общества. Историки с конца XIX века пишут не столько для широкой публики, сколько для своих коллег-историков. Язык стал более строго научным, сложными для понимания (без специальной подготовки) являются термины и понятия, употребляемые в тексте исторических сочинений. Нужно высшее образование в области истории, чтобы понимать и оценивать исторические события с научной точки зрения.

Между тем историческое сознание формируется на уровне обыденного сознания человека «с улицы». Однако эти познания фрагментарны, не дают связной картины прошлого. Эти взгляды формируются под влиянием устной традиции, радио, телевидения, кинофильмов, театральных спектаклей, случайно попавших в руки читателя исторических романов, произведений художественной литературы и поэзии, посещения музеев, осмотра памятников культуры. Практически во всех странах под эгидой правительства проводятся праздники — отмечаются памятные даты истории. В США — День независимости, во Франции — годовщина французской революции, в Российской Федерации — День России, День Победы, Октябрьской революции и много других памятных дат. С одной стороны, они напоминают о важных исторических событиях, с другой — с переменой политической обстановки может измениться смысл и значение этих событий, если их трактовать

с других политических позиций. Однозначной оценки, как правило, не бывает, каждый отмечает по-своему.

Конечно, более систематические знания по истории дают в школах. Однако и эти знания даются выборочно с учетом политических и идеологических оценок. Марк Ферро написал интересную книгу «Как рассказывают историю детям в разных странах». Она переведена на многие языки и издана в нашей стране в 1992 году.

Выбрав 15–20 обществ, автор исследовал огромное количество учебников, фильмов, комиксов, исторических романов на многих языках. М. Ферро удалось показать мировую панораму. Он начинает с утверждения, что образ других народов, да и собственного, начинает формироваться в детстве. Затем накладываются другие впечатления, но многое, заложенное тогда, остается на всю жизнь.

Представления о прошлом не едины для всех, они меняются со временем, когда меняется идеология. Сегодня государство, церковь, политические группы владеют средствами массовой информации и книгоизданием, финансируют выпуск школьных учебников, формируют определенную систему ценностей.

Сегодня, считает М. Ферро, у каждой нации есть несколько историй — коллективная память не совпадает с историографией. История, как она преподавалась детям, помогает узнать, что общество думает о себе, и как меняются эти представления с течением времени. История Армении, например, как ее преподают в Армении, как учат дети армянской диаспоры и как толкуют во всемирных историях — это три разные версии.

По мнению М. Ферро истории свойственны две функции — врачевание и борьба, хотя часто она фиговый листок идеологии. Пример врачевания: когда африканские дети учат исто-

рию великих африканских империй прошлого на фоне упадка и отсталости феодальной Европы. Что касается функций историка как борца, то здесь характерны манипуляции с целью создания «образа врага». Огромную роль играет этноцентризм. Это сказывается в ущербном положении истории других стран: это чувствуется и при написании всемирных историй в разных странах.

Автор выделяет три «очага» истории в обществе. Первый — история *институциональная*, которая узаконивает политику, идеологию, режим. С изменением режима она подвергается изменениям. Второй — параллельно с историей победителей может существовать *контр-история*. Иногда она выживает в устной форме. Скрытая история побежденных, например, колониальных народов, меньшинства и т. д. Она, как и первый очаг, конъюнктурна. И, наконец, третий очаг — *индивидуальная и коллективная память* общества — она не имеет функционеров-историков. Она не подвластна критике, смешивает разные подходы к времени. Она выживает и остается жизнеспособной, несмотря на непризнание ее «официальной» наукой.

Ни один «очаг» не дает научной истины — они все противоречивы. Это реальность. И выход автор видит в глобальной истории Ф. Броделя.

История и идеология. Как отмечалось, с середины XIX века историки осознавали социальную обусловленность исторических оценок. Например, отношение к мятежу будет разным у мятежника и лояльного человека, иностранца, бюргера или крестьянина.

В эпоху просвещения пришли к выводу о политизированности истории, что истина в истории не едина, прошлое интерпретируется по-разному, возможен и даже необходим пересмотр оценки событий с изменением обстановки. Историки

пишут историю, исходя из идеологических позиций. Историки-либералы интересовались историей революций. Консерваторы доказывали бессмысленность последних. Если либералы видели прогресс в истории, то консерваторы подчеркивали традиции, медленное постепенное развитие. К. Маркс рассматривал всю историю только как предисторию, имея в виду торжество коммунизма. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. Соч. Т. 8 С. 119).

Смены идеологических вех порождает новые интерпретации. Вспомним концепцию «консенсуса», якобы господствовавшего на всем протяжении истории США. Она родилась в годы «холодной войны». Причем, позиции либералов и консерваторов сблизились- объединились в борьбе с коммунизмом и утверждали миф об «исключительности» исторического пути США. Но в 60-е годы, с изменением политической обстановки, ситуация изменилась, и в историографии «консенсусная» концепция начала пересматриваться. Стали выходить книги, доказывающую «революционность» Америки и ее прогрессивную роль в мире. В XIX веке появились национализм, расизм, тредьюнионизм, фашизм, милитаризм, феминизм и т. д. Эти разные идеологии, оказывавшие влияние на исторические исследования. В историографии без труда можно найти исторические работы, написанные под влиянием различных идеологий.

Историк свободен в выборе идеологии, но он не простой ее потребитель — он сам участвует в ее разработке. История не сводится к идеологии, имеет свой понятийный аппарат, свои методы, накопленный материал, от которого не так просто отмахнуться. Выводы заранее не predetermined, иначе она теряет функции науки и будет не нужна. Если в идеологии нет даже элементов исторической истины, она обречена. По-

пытки фальсифицировать историю губительны. Приведем хрестоматийный пример — идеология нацизма в Германии. Вся история была поставлена на службу нацистским мифам о превосходстве арийской расы, неполноценности евреев, славян. К чему привели эти бредовые идеи, хорошо известно.

Очевидно, освободить историю от идеологии совсем невозможно, да и не нужно — важно, чтобы историк воспринимал передовые идеи эпохи — тогда он идет в ногу со временем, создает произведения, которые переживут его самого на много лет, а некоторые останутся навсегда «классическими».

Давно замечено, что политики слабо учитывают уроки истории. Даже делали выводы, что история ничему не учит. Но это удобно для тех, кто истории не знает или сознательно не воспринимает ее уроки. Известно, «дуракам закон не писан». Но если говорить серьезно, то уроки извлекаются, все зависит от степени эрудированности и талантливости политического деятеля.

Что касается историков, то если они действуют по принципу «чего изволите», то они способствуют краху той политической партии, которой они служат, или того деятеля, которого превозносят. Здесь уместна еще одна пословица — «услужливый дурак опаснее врага». Если историк уходит от поиска объективной истины — его труд, в лучшем случае, бесполезен, а в худшем, вреден для общества. Социальная ответственность историка чрезвычайно высока: и перед той эпохой, которую он изучает, и перед современностью. Политическая конъюнктура губит науку. В то же время, исследование, которое учитывает общечеловеческие ценности и идеалы гуманизма и прогресса, повышает социальную роль историка. Историк имеет возможность выбора, и от того, какой выбор он сделал, зависит во многом успех или провал его труда.

Следует решительно отвести тезис, что история есть *политика, опрокинутая в прошлое* — он зачеркивает научный статус истории. Природа исторического познания не сводится к политике сегодняшнего дня. Она должна оставаться наукой со своим предметом и методом, развиваться в соответствии с внутренней логикой своего развития. Приведем такой факт: идеологи КПСС часто ставили перед отечественными историками конкретные задачи по изучению тех или иных, как они считали, актуальных проблем. Однако сколько-нибудь серьезных работ не появлялось. И дело было не в недостатке послушания, а в отсутствии источников, наработок, иногда и соответствующих методов. Мешали и идеологические установки. Так что наука сопротивлялась выполнению не свойственных ей функций.

В условиях идеологического диктата отечественная историография, предельно политизированная, во многом растеряла традиции прежней русской историографии и оказалась изолированной от мировой науки. Методология оказалась ненужной, выводы заранее известны. Отечественную историю советского периода надо было изображать как идущую от успеха к успеху, а историю стран Запада как историю загнивания и роста классовой борьбы.

Многие исторические труды грешили описательностью, схематизмом, отсутствием значительных новых выводов, слабой системой доказательств. Многие темы замалчивались как «неудобные», закономерность понималась мистически: проблема многовариантности и альтернативности развития не рассматривалась.

В последнее десятилетие положение изменилось коренным образом: отечественные историки обрели творческую свободу, прежде всего, в сфере методологии. Мы возвращаемся к реальному миру цивилизованных явлений и процессов. Конеч-

но, переходный характер общественных процессов сказывается и на развитии исторической науки: они неоднозначны и противоречивы. Но так и должно быть: историки всегда жили в горячих дискуссиях и спорах. Происходят изменения, хотя и не так быстро, как хотелось бы, в преподавании истории в школах и вузах. Этим процессам должно способствовать и данное пособие. Нужно повышать профессиональный уровень подготовки историков нового поколения, которое должно взять все ценное из старого опыта и смело осваивать новые методологические подходы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая курс лекций по методологии исторической науки, мы можем ответить на вопрос: наука ли история или просто разновидность литературного труда, не дающего представления о прошлом.

Ответ может быть только утвердительным. Безусловно, это наука со своим объектом, методами исследования. Тысячами историков во всем мире написаны тысячи книг по всем отраслям, эпохам и географическим ареалам. Исследования ведутся широким фронтом, все время обновляются тематика и методы конкретных исследований. Совершенствуются методы проверки получаемых результатов. Осваиваются методы других гуманитарных и общественных наук, все шире используются компьютерные технологии.

Конечно, историк не может быть самоуверенным, как и представитель любой другой науки: перед ним стоит много проблем, о которых мы говорили в курсе лекций. Но не следует предъявлять к истории требования, которые не могут выполнить и естественные науки, относительно объективной истины. Сейчас много познавательных проблем обсуждаются философами науки. Некоторые считают, что объективная истина не достижима даже в естественных науках — конечная цель здесь — построение все новых моделей.

Читая экстремистские высказывания постмодернистов о несостоятельности истории как науки, мы замечаем, что в их работах не называются труды историков, не дается критический анализ, и главное, не предлагается никакой позитивной

программы, кроме отказа от занятий историей. Как уже отмечалось, философы судят об исторической науке априорно, а читая работ историков, зачеркивая огромное накопленное богатство. Убедительным аргументом в споре может быть только один — положить рядом с работами традиционных историков, работы, написанные с новых позиций.

Размышляя об итогах работы последнего международного конгресса исторических наук, хотелось бы высказаться по поводу рассуждений философов, да и некоторых историков о *«кризисе» исторической науки* сегодня. А. Маунселл призвал к «деконструкции» истории, которая должна прекратить свое существование из-за неспособности достичь объективной истины. Собственно говоря, на всем протяжении существования исторической науки не утихают разговоры о ее кризисе. В отечественной литературе долгое время писали о «кризисе буржуазной историографии», противопоставляя последней уверенно идущую от успеха к успеху советскую историографию. Хотя в то время именно советские историки имели ограниченный доступ к архивам, следовали указаниям чиновников от идеологии, были изолированы от мировой науки и можно было действительно говорить о кризисе. Причем, признаки кризиса западной историографии видели либо в снижении социальной роли исторической науки, либо в плюрализме методологии. Что касается статуса науки в обществе, то его трудно измерить, а в плюрализме заключен источник развития исторической науки, а не ее кризиса. Не может быть единственно верного подхода, гарантирующего достижения объективной истины «здесь и сейчас».

На Западе тоже иногда раздаются сетования на кризис исторической науки со стороны философов. Но если принять их подход, то история никогда не выходила из кризиса, и сам

термин теряет свою определенность. Идет постоянный процесс обновления, вырабатываются новые подходы и методы. Может идти речь о кризисе той или иной школы, направления, теории, исторической концепции, но не о кризисе науки в целом. Кстати, не ясен термин, что такое «кризис науки».

Список рекомендуемой литературы

Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторического исследования // Новая и новейшая история. 1996. №1.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976.

Бородкин Л. И. Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. 1997. №1.

Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм // Избр. тр. М., 1971. Т. 1.

Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974.

Иванов Г. М. и др. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

Математические модели исторических процессов. М., 1996.

Репина Л. П. Новая историческая наука и социальная история. М., 1999.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1977.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1992.

Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания. СПб., 1916.

Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980.

Ланглуа Ш. И Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899.

Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1904; Он же. Философия истории. СПб., 1908.

Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

Философия и методология истории: Сб. переводов. М., 1977.

Barracough J. History in changing world. L., 1956.

Carr E. What is history. N.Y., 1963.

The practice of history. L., 1967.

Gimmelfarb H. New history and old. Cambridge, 1981.

Marwick A. The nature of history. L., 1997.

Munslow A. Deconstruction of history. N. Y., 1997.

New perspectives of historical writings. Cambridge, 1991.

What is history today? Hong Kong, 1988.

Указатель имен

- Арон Р. 44
Асмус В. 11
- Барг М. 16, 20, 50, 51,
64, 154
Барт Р. 112
Барраклоу Дж. 13
Беккер К. 44
Берлин И. 12
Берр А. 80, 81, 102
Бирд Ч. 102
Блан Л. 145
Блок М. 11
Берк П. 106
Бородкин Л. 95, 96, 97
Бокль Г. 67, 68
Борхес Х. 111
Брехт Б. 152
Бриггс А. 107
Бродель Ф. 14, 20, 30, 55, 56, 102,
157
Бэкон Ф. 79
- Вайт Х. 14, 15, 74, 111, 131, 132,
133, 137
Вебер М. 18, 87
Виндельбанд В. 10, 71
Винкельман И. 18
Виппер Р. 10
- Виттрам Д. 140
Вольтер Ф. 18, 85, 142, 150
- Галлам Г. 19
Ганди М. 109
Гиббон Э. 19
Гегель Г. 62, 63
Грин Д.
Гуревич А. 14
Гэй П. 130
Гюго В. 110
- Денли П. 96
Дильтей В. 71, 82, 108, 122
Достоевский Ф. 108
Дюби Ж. 106
Дюма А. 110
- Ерофеев Н. 16, 19, 20
- Иванов Г. 45
- Кареев Н. 10, 68, 143, 144
Карр Э. 11, 12, 38, 44, 45
Кизюков С. 133, 135, 137
Ключевский В. 110, 151
Ковальченко И. 16, 20, 34, 38,
39, 40, 45, 64, 72, 78, 79, 83,
86, 87, 90, 91, 119, 120, 126

Ковалевский М. 68, 85
Коллингвуд Р. 11, 12, 131
Конт О. 101
Кроче Б. 37
Кузьмин В. 64
Ладюри Р. 56
Лакарп Д. 74
Лампрехт К. 67
Ланглуа Ш. 10
Лашпо-Данилевский А. 10
Леви-Стросс К. 72
Ленин В. 52, 146, 147
Леонардо 100
Лессинг Т. 146
Ливий Т. 110
Лотман Ю. 40, 112
Лютер М. 109

Маколей Т. 110
Манн Г. 152
Маритен Ж. 144
Маркс К. 11, 18, 63, 64, 58,
69, 70, 79, 132, 146,
147, 151, 158
Марру У. 37
Мейер Э. 50
Мейнеке Ф. 63
Миронов Б. 103
Мишле Ж. 108, 145
Могильницкий Б. 20, 51
Моисеев Н. 116
Мэнслоу А. 15

Норт Д. 90

Пауик Д. 44

Петр I 114, 151
Плам Д. 12
Плеханов Г. 10
Полетаев А. 53, 74, 147
Поппер К. 127, 140
Поллард С. 12
Поршнев Б. 84
Пригожин И. 116

Ранке Л. 12, 1836, 43, 58, 146
Решина Л. 14, 16
Риккерт Г. 10, 44, 71, 72,
139, 146
Рюзен Д. 130, 131

Савельева И. 53, 74, 101
Сафронов Б. 10
Сеньобос Ш. 10
Скотт В. 62, 110, 152
Соссюр Ф. 72

Тарле Е. 68, 110
Тацит 110
Тернер Д. 102
Тойнби А. 50
Томсон Э. 23
Трейчке Г. 58
Трельч Э. 63
Топольский Е. 40, 41
Тьерри О. 62, 69
Тэн И. 67

Успенский Б. 112, 113

Февр Л. 108
Фейхвангер Л. 152
Ферро М. 156

Финн В. 127

Хвостова К. 127

Хобсбоум Э. 20, 22, 33, 106

Хрущев Н. С. 147

Чешков М. 116

Шпенглер О. 50

Штерн А. 139, 140

Элтон Д. 13, 15, 22, 80

Энгельс Ф. 68, 69, 70, 147

Эриксон Э. 108, 109

Эткинд А. 114

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Лекция первая. Предмет, содержание и задачи курс методологии исторической науки</i>	7
Методология как теория научно-познавательной деятельности – Определение метода – Методы общеполософские, общенаучные, специально-исторические и конкретно-проблемные – Первые работы по методологии истории в конце XIX – начале XX века – Работы Р. Коллингвуда и М. Блока в межвоенный период – Полемика по вопросам методологии после второй мировой войны – Междисциплинарный подход – Новая историческая наука – Лингвистический поворот – Отечественные работы по методологии истории.	
<i>Лекция вторая. Предмет исторической науки</i>	18
Объект познания исторической науки – Выделение предмета исследования – Неокантианцы, марксисты о предмете истории – Эволюция предмета – Антропологический подход – Отраслевая структура исторической науки – Социальная, интеллектуальная, культурная история – Национальная историография и интернациональные связи историков. Международный исторический конгресс 2000 года в г. Осло.	
<i>Лекция третья. История – наука или искусство? Особенности исторического познания</i>	31
Взаимоотношение методов естественных и социальных наук – Особенности объекта исследования – Прошлое и настоящее – Критика презентизма – Ретроспективный характер познания – Оценочный характер исторического познания – Дважды субъективизированное знание – Плюрализм интерпретаций и концепций – Комплексный характер исторической науки.	
<i>Лекция четвертая. Исторический источник и его информационная неисчерпаемость</i>	36
Классическое источниковедение XIX века – Приоритет источника над мышлением историка – Вклад позитивистов в источниковедение – Признание более активной роли творческого мышления, против фетишизации источника – Б. Кроче с его идеей создания источника историком – Крити-	

ка такого подхода другими историками. Источник в свете теории информации – Информационная неисчерпаемость источника – Извлечение скрытой информации – Системный подход – Е. Топольский о связи источника с исторической реальностью – Внеисточниковое знание.

Лекция пятая. Исторический факт и его интерпретации.....43

Полемика о содержании понятия «исторический факт» - Культ факта в XIX веке – Факт как результат исследования – К. Беккер о факте как «умственной конструкции» историка и отрицание объективного содержания факта – О факте как «твердом теле в мякоти интерпретации» - Факты действительности и факты сознания – Группировка фактов по содержанию, структуре, по значению – Факты исторической действительности – Факты источника – Научно-исторические факты – Система фактов – Интерпретация фактов – Самодавляющее значение исторического факта для истории.

Лекция шестая. Категории исторической закономерности

и исторического времени49

Идея «божественного предопределения» средневековья – Светский характер истории и рационалистический подход просветителей – Отечественные историки М. Барг и Б. Могильницкий об исторической закономерности – Альтернативность исторического развития – Два образа времени – Время-1, Время-2 – Временная неоднородность заполнения прошлого и субъективность составления хронологических таблиц – Неравномерность изученности различных периодов и разных географических ареалов – Стадии исторического развития – Концепция «разных скоростей» исторического времени Ф. Броделя.

Лекция седьмая. Принципы исторического познания 57

Принципы сознания и их регулятивные функции – Принцип объективности – Полемика вокруг концепции Л. Ранке – Атаки на принцип объективности в XX веке – Принцип детерминизма (каузальности) – идея обусловленности исторических явлений – Сложность раскрытия причинно-следственных связей – Принцип историзма – Немецкая историческая школа права – Историзм Ф. Гегеля – Марксистский историзм – Принцип системности.

Лекция восьмая. Основные философские подходы и методы

в истории 66

Автономный характер исторического познания – Влияние философских школ и направлений – Позитивизм – Марксизм – Основы материалистического понимания истории – Классовый подход – Ф. Энгельс об ошибках молодого поколения марксистов – Марксизм в России и на Западе – Нео-

кантианство – Структурализм – Системно-структурный метод и структурно-функциональный анализ – Постмодернизм – Лингвистический поворот – Анализ текста – Идея невозможности объективного знания истории – Попытка свести историю к литературе.

Лекция девятая. Общенаучные методы в историческом исследовании..... 77

Логический и исторический – Восхождение от конкретного к абстрактному – Восхождение от абстрактного к конкретному – Системный подход и системный анализ – индукция – Дедукция – Анализ и синтез – Моделирование – Интуиция.

Лекция десятая Специально-исторические методы 83

Историко-генетический – Ретроспективный – Синхронный – Хронологический – Диахронный – Историко-сравнительный – Историкотипологический – Историко-системный.

Лекция одиннадцатая. Математические методы в истории..... 89

Клиометрия в США и странах Европы – Академик И. Ковальченко и применение количественных методов в нашей стране – Области истории, где применяются математические методы – Достижение и проблемы применения математических методов – Математическое моделирование.

Лекция двенадцатая. Компьютер и историк. Историческая информатика. Интернет..... 94

Компьютер и его возможности в историческом образовании и науке – Международная ассоциация «Историк и компьютер» – Базы данных и компьютерные технологии – Определение исторической информатики – Информационные технологии в анализе источников – Возможности сети Интернет – Электронные каталоги библиотек – Публикации источников – Электронные журналы.

Лекция тринадцатая. Междисциплинарный подход..... 101

Взаимодействие истории с другими науками – процесс интеграции социальных и гуманитарных наук – История и социология – А. Берр и теория «синтеза» – Ф. Бродель и социология – Новая социальная история – История и психология – Культурная антропология – История и лингвистика – семиотика и история – «Новый историзм» в литературоведении – История и естественные науки – Синергетика, теория хаоса.

Лекция четырнадцатая. Исследовательская программа и основные этапы исторического исследования 117

Выбор объекта и постановка исследовательской задачи – Выявление источниково-информационной основы и выбор методов исследования – Ре-

конструкция и эмпирический уровень познания исторической реальности – Объяснение и теоретический уровень познания – Типы исторических объяснений – роль теории в историческом исследовании – Роль понятий и категорий в объяснении – Логическая структура исторического знания – Историческая концепция – Проверка результатов исследования.

Лекция пятнадцатая. Историческое повествование (нарратив). 130

Дискуссия в западной литературе о нарративе в 70-е годы XX века – Книга Х. Вайта «Метаистория» – Четыре блока модели Х. Вайта: тропы, поэтическая природа истории, типы аргументации, идеология историка – Отклик на дискуссию о нарративе в отечественной литературе – Книга С. Кизюкова «Типы исторического повествования» – Влияние постмодернистских взглядов – Роль контекста, метаустановок; речевых особенностей, формально-логических методов – Задачи дальнейшего изучения нарратива.

Лекция шестнадцатая. Ценностное измерение и оценка

исторических событий 139

Определение ценностей – Оценка как средство осознания значимости события – Идеологическая оценка: национальная, религиозная и классово-политическая – Нравственная оценка – Нравственные принципы историка как специалиста и гражданина – Оценки исторических событий – Эстетика и история – Использование историком эстетических категорий – Исторический образ – Исторический роман и его типы – Роль образного мышления и языка в труде историка.

Лекция семнадцатая. История и общество 154

Историческое сознание общества – Научное и быденное историческое сознание – Роль школьного образования в истории (книга М. Ферро) – Роль историка в формировании идеологии – История и политика – Новые явления в отечественной исторической науке – Рост интереса к проблеме методологии истории.

Заключение 162

Список рекомендуемой литературы 165

Указатель имен 167

Учебное издание

Парфенов Игорь Данилович

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Курс лекций

Ответственный за выпуск *Д. Е. Луконин*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Корректор *Ю. И. Астахова*
Оригинал-макет подготовил *И. В. Лычагин*

Изд. лиц. ЛР № 020305 от 19.02.1997. Подписано в печать 20.11.2001

Формат 60х84 1/16 Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10, 23 (11,0). Уч.-изд. л. 6,47.

Тираж 300 экз.

Зер. 95к

Издательство Саратовского университета.
410026, Саратов, Астраханская, 83.

Парфенов Игорь Данилович
(род. 6 мая 1938 г.) - заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. В марте 1982 г. в Институте всеобщей истории АН СССР защитил докторскую диссертацию "Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: движущие силы, формы и методы". Основные публикации: "Английские лейбористы и колониализм", "Англия и раздел мира в последней трети XIX века: проблемы историографии", "Монополия и империя", "Основы исторической библиографии". Читает курсы по истории мировой исторической науки, методологии истории, ведет спецсеминар по истории колониализма.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА